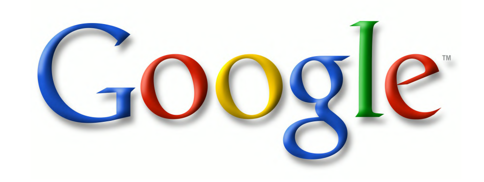

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ГРАФЪ АРСЕНІЙ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ЗАТИШЬЕ И БУРЯ.

(1868—1878).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ Р. ГОЛИКЕ, ЛИГОВКА № 22.
1878.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Кому, какъ не тебѣ, въ чьемъ сердцѣ счастья трепетъ
Привѣтствовалъ въ тиши мой первый дѣтскій лепетъ,
Чей взоръ недремлющій мерцалъ во тьмѣ ночей,
Надъ колыбелію безпомощной моей;
Кому, какъ не тебѣ, съ любовью и тревогой
Слѣдившей, какъ я брелъ тяжелою дорогой,
Къ далекой пристани — дерзну принесть я въ даръ
И отроческихъ грезъ волшебный, чудный жаръ,
И праздной юности постыдное безумье,
И призраки, и сны, что унеслися вдаль,
Оставивъ по себѣ лишь скуку и печаль;
И черствой зрѣлости безстрастное раздумье;
И счастья поздняго, осенній, тихій свѣтъ?
Я знаю: каждый стихъ, нескладный иль прекрасный,
Веселый, иль больной, задумчивый, иль страстный
Въ душѣ твоей найдетъ участье и привѣтъ,
Равнό освѣтитъ ихъ любовь твоя святая;
Возьми-жъ — возьми ихъ всѣ! ты всѣ поймешь, родная!

ЗАТИШЬЕ.

I

ПРОЩАНІЕ СЪ ТОВАРИЩАМИ.

Насталъ желанный день! суровый храмъ наукъ
За нами затворенъ стоитъ. — Мы сбыли съ рукъ
Тетради толстыя... Смотрите: подъ столами
Онѣ валяются, осиленныя нами,
Способныя пугать дѣтей лишь иль невѣждъ!
Свершимъ-же громкій пиръ въ честь дружбы и надеждъ.
Ко мнѣ, товарищи! Устроимъ дѣло живо,
Захватимъ по пути закуску, водку, пиво...
(Вино заморское намъ какъ-то не съ руки,
Пей всякій, что пришлось — и къ черту сюртуки!
Безъ нихъ свободнѣе заводятся бесѣды!)
Эхъ, други, не всегда судьба даритъ побѣды,
Кто устоитъ въ борьбѣ, кто нѣтъ — не ровенъ часъ!
Какъ знать, что впереди ждетъ каждаго изъ насъ?
Столкнувшися въ толпѣ, узнаемъ-ли другъ друга
Мы, въ тѣсной комнаткѣ, въ безпечный часъ досуга
Сидящіе теперь за дружескимъ столомъ?
Обнимется-ль богачъ съ ничтожнымъ бѣднякомъ,
Когда при публикѣ взыскательной и чистой
Къ нему тотъ подойдетъ въ одеждѣ неказистой
И скажетъ: здравствуй другъ! ты помнишь-ли меня?

Грядущее темно. Простимся же, друзья,
Пока мы молоды, пока мы благородны,
Пока мы всѣ равны и отъ оковъ свободны,
Пока возможно намъ изъ чаши пить одной
И Gaudeamus пѣть веселою толпой.
Пробьетъ разлуки часъ, пойдемъ мы въ разсыпную...
Блаженъ, кто сохранитъ въ душѣ любовь святую
Къ завѣтамъ юности! Въ нихъ лжи тлетворной нѣтъ!
Они безоблачны, какъ утра чистый свѣтъ,
Они — природы гласъ безхитростный и вѣрный.
Пусть старцы важные съ улыбкой лицемѣрной
(Съ тревогой тайною!) безумствомъ ихъ зовутъ:
Безсильной клеветой они ихъ не убьютъ,
И въ глубинѣ сердецъ таящееся сѣмя
Побѣдно проростетъ, когда настанетъ время.
Богъ помочь намъ, друзья, на жизненномъ пути!
Урочный вѣкъ прожить — не поле перейти.
Вы слышите-ль вдали глухіе перекаты
И грозный ропотъ волнъ? — Надежды ваши святы:
Не вѣчно вамъ въ отвѣтъ гремѣть лишь будетъ смѣхъ;
Ужъ правда юная караетъ старый грѣхъ,
И, предъ знаменами поруганной святыни
Склонясь, блѣднѣетъ ликъ сѣдѣющей гордыни!
О, кто дерзнетъ сказать, что утро не взошло?
Друзья, — ошибся я — грядущее свѣтло!
Я чую на душѣ счастливую тревогу —
Простимся-жъ въ добрый часъ и съ Богомъ въ путь-дорогу.

---

* * *

Разскажи мнѣ, вѣтеръ вольный,
Ты о чемъ поешь и стонешь?
Изъ какихъ ты странъ далекихъ
Тучи сумрачныя гонишь?
Гдѣ съ тобою эти тучи
Много слезъ такъ накопили,
Что лѣса, холмы и степи
Ихъ потокомъ оросили?
Все мнѣ, вѣтеръ, разскажи —
Горькой правды не таи.

Отвѣчаетъ вѣтеръ вольный:
«Я несусь отъ странъ холодныхъ,
Нецвѣтущихъ, непривѣтныхъ,
Небогатыхъ, несвободныхъ.
У людей я стоны слышалъ;
Я пою про ихъ неволю,
Про великія ихъ скорби,
Про невѣрную ихъ долю.

Изъ жилищъ и хатъ убогихъ
Слезы къ небу поднялися,
Въ тучахъ дымныхъ и ненастныхъ
Накопились, собралися.
Сколько-бъ тучи я ни несъ,
Имъ не выплакать тѣхъ слезъ!

11

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТѢНАХЪ.

Комнатка скромная, тѣсная милая;
Тѣнь непроглядная, тѣнь безотвѣтная;
Дума глубокая, пѣсня унылая;
Въ бьющемся сердцѣ надежда завѣтная;

Тихій полетъ за мгновеньемъ мгновенія;
Взоръ неподвижный на счастье далекое;
Много сомнѣнія, много терпѣнія...
Вотъ она, ночь моя — ночь одинокая!

* * *

На шумномъ праздникѣ весны
При плескѣ водъ, при звукахъ пѣнья,
Зачѣмъ мечты мои полны
Недугомъ скуки и сомнѣнья?

Еще я молодъ — предо мной
Въ туманѣ вьется путь далекій
И жизнь загадочной красой
Манитъ впередъ, въ просторъ широкій;

Но что-то шепчетъ: не внимай
Призывамъ громкимъ наслажденья,
Не вѣрь обѣтамъ вдохновенья
И сердцу воли не давай.

Гляди на жизнь спокойнымъ окомъ,
Безстрастенъ будь, чтобъ никогда
Уста не осквернить упрёкомъ
И душу казнію стыда!

* * *

Пока тебѣ душа моя
Близка, любезна и понятна
И жизнь моя тепла и внятна
Тебѣ, мой другъ, какъ жизнь своя —
Люби меня.

Но, если межъ тобой и мной
Хоть тѣнь мгновенная промчится,
И на меня взоръ быстрый твой
Съ вопросомъ тайнымъ покосится —
Не дожидайся, чтобы я
Сталъ разъяснять недоумѣнья,
Не трать души — и безъ сомнѣнья
Покинь меня!

ПАУКЪ.

Паукъ есть незримый, коварный и злой;
Богъ вѣсть, какъ паукъ тотъ зовется.
Онъ водится тамъ, гдѣ въ тюрьмѣ золотой
Бѣснуются люди нарядной толпой,
Гдѣ праздниковъ шумъ раздается.

Въ его паутинѣ куда ни взгляни
Шевелятся сонныя мухи;
Онъ крѣпко запуталъ ихъ въ сѣти свои,
Онъ высосалъ мозгъ, чтобъ по стѣнкамъ они
Качались бездушны и сухи.

Негодный паукъ, пощади ты меня!
Смири хоть на время свой голодъ —
Всѣ пѣсни мои не допѣлъ еще я,
Отъ чувства душа не устала моя,
Мой умъ еще свѣтелъ и молодъ!

Зачѣмъ же кругомъ паутину свою
Плетешь ты такъ густо и смѣло?
Ужель не дождешься, пока допою

Прощальную съ юностью пѣсню мою?..
А, впрочемъ, тебѣ что за дѣло!

Не любишь ты время безплодно терять;
Бороться напрасно съ тобою!
Спѣши-же мнѣ душу покрѣпче связать,
Мой мозгъ принимайся скорѣе сосать:
Жить легче съ пустой головою!

КЪ Н....У.

Не пеняй на меня, мой взыскательный другъ,
За мою нищету и безсилье,
Ослѣпили меня, обступили вокругъ
Стѣны крѣпкія, мракъ и насилье.

Но, повѣрь, не далекъ обновленія день,
И сломаю я крѣпкую стѣну,
И покину тюрьмы непривѣтную сѣнь,
И паломника ризу надѣну.

Отъ шумящихъ столицъ далеко, далеко
Я уйду, строгой думой объятый,
Въ душу родины тамъ загляну глубоко,
Заберуся въ землянки и хаты.

Нищеты и терпѣнья загадочный ликъ
Разгляжу при мерцаньи лучины,
Въ кабакѣ придорожномъ подслушаю крикъ,
Безнадежной и пьяной кручины. —

И вернувшись назадъ, тебѣ пѣсню спою —
Не такую, какъ пѣлъ я донынѣ.

Нѣтъ, услышавъ тогда эту пѣсню мою,
Ты поклонишься ей, какъ святынѣ.

Такъ ко гробу Господню идетъ пилигримъ,
Тамъ огонь зажигаетъ священный
И потомъ тотъ огонь, теплой вѣрой хранимъ,
Онъ приноситъ въ пріютъ свой смиренный.

И домашніе, встрѣтивъ его у крыльца,
Съ умиленьемъ даръ Божій пріемлютъ
И правдиво чудеснымъ рѣчамъ пришлеца,
Какъ небесному голосу, внемлютъ!

---

* * *

Въ туманѣ дремлетъ ночь. Безмолвная звѣзда
Сквозь дымку облаковъ мерцаетъ одиноко.
Звенятъ бубенцами уныло и далеко
Коней пасущихся стада.
Какъ ночи облака, измѣнчивыя думы
Проносятся въ умѣ, тревожны и угрюмы.
Въ нихъ отблески надеждъ когда-то дорогихъ, —
Давно потерянныхъ, давно ужъ неживыхъ!
Въ нихъ сожалѣнія и слезы...
Несутся думы тѣ безъ цѣли и конца:
То, превратясь въ черты любимаго лица,
Зовутъ, рождая вновь въ душѣ былыя грезы;
То, слившись въ черный мракъ, полны нѣмой угрозы,
Борьбой грядущаго пугаютъ робкій умъ —
И слышится вдали нестройный жизни шумъ,
Толпы холодный смѣхъ, вражды коварный ропо́тъ,
Житейской мелочи неотразимый шепотъ,
Унылый смерти звонъ!... Предвѣстница звѣзда,
Какъ будто полная стыда,
Скрываетъ свѣтлый ликъ въ туманѣ безотрадномъ,
Какъ будущность—нѣмомъ, какъ горе—непроглядномъ!

* * *

Оконченъ праздный, долгій день.
Людская жизнь, умолкнувъ, дремлетъ.
Все тихо. Майской ночи тѣнь
Со всѣхъ сторонъ меня объемлетъ.

Но сонъ отъ глазъ моихъ бѣжитъ,
И, при лучахъ иной денницы,
Воображеніе вертитъ
Годовъ утраченныхъ страницы.

Вдыхая вновь волшебный ядъ
Весеннихъ, страстныхъ наслажденій,
Въ душѣ я воскрешаю рядъ
Надеждъ, порывовъ, заблужденій...

Увы! Тò призраки одни!
Мнѣ скучно съ мертвой ихъ толпою,
И шумъ ихъ старой болтовни
Уже не властенъ надо мною.

Лишь тѣнь, одна изъ всѣхъ тѣней,
Явилась мнѣ, дыша любовью,

И, — вѣрный другъ минувшихъ дней —
Склонилась смѣло къ изголовью.

И смѣло отдалъ ей одной
Всю душу я въ слезѣ безмолвной,
Никѣмъ незримой, счастья полной, —
Въ слезѣ, давно хранимой мной!

---

* * *

Я созналъ нищету мгновенныхъ наслажденій,
Крылатой юности я осмѣялъ обманъ;
Иныхъ, глубокихъ думъ и грозныхъ вдохновеній
Зоветъ меня къ себѣ безбрежный океанъ!

Въ немъ счастье полное, иль гибель безъ возврата!
Могучъ его покой и страшенъ львиный гнѣвъ;
Но радостно душа, надеждою объята,
Внимаетъ дальнихъ волнъ таинственный напѣвъ.

Сверкаютъ волны тѣ и плещутъ на просторѣ,
Играя жизнію, какъ утлою ладьей...
Мнѣ любо выходить въ невѣдомое море
Съ отважно поднятою, гордой головой!

Челнокъ отъ берега несется, мнѣ послушный,
И, зорко глядя вдаль, въ туманъ грядущихъ дней,
Съ рукою на рулѣ, внимаю равнодушно
Навѣтамъ робости и жалобамъ друзей!

---

* * *

Порой, среди толпы ликующей и праздной,
Нарядной суетой объятъ со всѣхъ сторонъ,
Унылъ и одинокъ, я слышу—безотвязный
Звучитъ не то напѣвъ, не то призывъ, иль стонъ.

Звучитъ, какъ темное сознаніе невзгоды,
Въ душѣ униженной, покорной и нѣмой;
Звучитъ, какъ жалоба осенней непогоды,
Вкругъ сонныхъ деревень, въ глуши, во тьмѣ ночной.

И хочется тогда бѣжать—бѣжать далеко,
Отъ блеска и людей, отъ суетныхъ пировъ—
И тамъ, въ родной глуши, страдать, страдать глубоко,
Подъ шумъ и пѣніе мятелей и снѣговъ.

НАДЪ ОЗЕРОМЪ.

Мѣсяцъ задумчивый, звѣзды далекія,
Съ темнаго неба водами любуются;
Молча смотрю я на воды глубокія—
Тайны волшебныя сердцемъ въ нихъ чуются.

Плещутъ, таятся ласкательно-нѣжныя:
Много въ ихъ ропотѣ силы чарующей,
Слышатся думы и страсти безбрежныя,
Голосъ невѣдомый, душу волнующій.

Нѣжитъ, пугаетъ, наводитъ сомнѣніе:
Слушать велитъ-ли онъ?—съ мѣста-бъ не двинулся!
Гонитъ ли прочь?—убѣжалъ бы въ смятеніи!
Въ глубь-ли зоветъ?—безъ оглядки бы кинулся!

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Неправда-ль—это ты, желанная, во снѣ,
Денницей дальнею порой являлась мнѣ,
Когда, унылъ и сиръ, во тьмѣ холодной ночи,
Усталый, я смежалъ заплаканныя очи,
Съ однимъ желаніемъ—не видѣть ничего?
Та радость свѣтлая, что съ сердца моего
Унынья и тоски снимала гнетъ тяжелый,
Звала меня впередъ съ улыбкою веселой,
И озаряла путь средь бурь и темноты,
Та чудная заря—не правда-ль: это ты?!

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

Я видѣлъ ночь. Она передо мной
Вся въ черномъ шла, прекрасная, живая,
Волшебница съ поникшей головой,
Зарницами, какъ взглядами сверкая.

Прозраченъ былъ ея воздушный станъ;
Но чуялъ я дыханья знойный трепетъ,
И въ тишинѣ, какъ ласковый обманъ
Незримыхъ устъ, призывный несся лепетъ.

Казалось мнѣ, что чудная зоветъ
Меня съ собой къ любви и наслажденью.
И я все шелъ, все шелъ за ней впередъ,
Объятый весь огнемъ ея и тѣнью!

* * *

Есть въ сердцѣ у меня потайный уголокъ:
Любовь-волшебница въ немъ мирно пріютилась.
Однажды, не спросясь переступивъ порогъ,
Вошла она туда и крѣпко затворилась.

Съ тѣхъ поръ, когда душа полна тревогъ и думъ,
И въ праздной ихъ игрѣ сознанье счастья тонетъ,
Когда усталый духъ объемлютъ мракъ и шумъ
И суетная жизнь кругомъ, какъ буря, стонетъ,

Внезапно слышу я ласкательный напѣвъ—
То гостья чудная поетъ мнѣ въ утѣшенье,
И снова счастливъ я, и буря, присмирѣвъ,
Затворницы моей въ тиши внимаетъ пѣнье!

* * *

Для богини моей я построилъ-бы храмъ,
И широко вкругъ храма того
Вознестись повелѣлъ-бы волшебнымъ стѣнамъ,
Чтобы горю земному и дольнимъ слезамъ
Никогда не достичь до него.

Я взростилъ-бы сады въ тѣхъ волшебныхъ стѣнахъ,
Чтобы говоръ немолчный вѣтвей,
Чтобъ веселое пѣніе птицъ въ деревахъ,
Чтобы плескъ и журчаніе въ звонкихъ ручьяхъ
Стонъ и крикъ заглушали людей.

Я-бъ землѣ нашепталъ: разступися земля
Вкругъ жилища богини моей,
Чтобы врагъ, злобный умыселъ въ мысляхъ тая,
Чтобы зависти черной лихая змія
Не дерзнули приблизиться къ ней.

Пуще зависти черной и злобныхъ враговъ,
Чтобы образъ людской нищеты,
Вѣковѣчныхъ страданій и лютыхъ трудовъ—
Въ безобразьи своемъ и могучъ, и суровъ —
Не явился очамъ красоты.

А не то на признанья и пѣсни мои
Она скажетъ, тоской омрачась:
«Какъ не стыдно тебѣ напѣвать о любви?
«Люди гибнутъ въ бѣдахъ, люди тонутъ въ крови;
«Злоба, голодъ и гибель вкругъ насъ!

«Погоди, чтобъ настали счастливые дни,
«Чтобы братьевъ утихнулъ раздоръ,
«Чтобы подали руки другъ другу они,
«Чтобы крови и слезъ пересохли ручьи,
«Чтобъ мнѣ въ счастьи не слышать укоръ!»

Что сказать на ту рѣчь, что мнѣ дѣлать тогда?
Посмѣяться-ль надъ дѣтской мечтой,
Иль всю правду ей бросить въ лицо безъ стыда,
Что тѣ дни не придутъ никогда, никогда,
Иль съ поникшей молчать головой?

---

* * *

Скажи мнѣ, милый другъ, зачѣмъ въ тиши ночной,
Когда все спитъ кругомъ, намъ слышится порой
Какой-то внятный зовъ, какой-то голосъ дальній?
Куда, зачѣмъ зоветъ онъ громкій и печальный,
Какія будитъ въ насъ завѣтныя мечты?
Знакомъ ли онъ тебѣ, его узнала-ль ты,
Какъ я его узналъ съ счастливою тревогой?
Ты слышишь—то̀ нашъ край, холодный и убогій,
Родимый, милый край, соскучился по насъ;
То вѣтеръ загудѣлъ, разлукой утомясь;
То рѣки разлились, пустынны и суровы;
То разсердилися дремучія дубровы,
И взволновалися... Волшебный, чудный шумъ!
Какъ много онъ живитъ воспоминаній, думъ...
Ужъ не пора-ли намъ къ отчизнѣ воротиться,
Ужъ не довольно-ли скитаться, суетиться,
Искать въ чужой толпѣ намъ чуждаго добра;
Ужъ не пора-ль домой?—Пора, дружокъ, пора!

---

* * *

Болтай со мною, если духъ
Твой веселъ, празденъ и свободенъ:
На рѣчь пустую чуждый слухъ
Всегда привѣтливъ и пригоденъ.
Но если любишь ты—молчи;
Не повѣряй мнѣ тайнъ завѣтныхъ:
Ты осквернишь мечты твои
Въ словахъ избитыхъ и безцвѣтныхъ.
Они—я знаю—для тебя
Звучатъ волшебно и глубоко,
Но что ты скажешь, если я
Въ отвѣтъ на нихъ зѣвну широко.
Иль стану думать одиноко
О томъ, что знать тебѣ нельзя?...

* * *

Межъ тѣмъ, какъ вкругъ тѣльца златаго,
Безумна, алчна и слѣпа,
Въ забвеньи божескаго слова
Пируетъ шумная толпа,—

На праздникъ суетный и дикій
Гляжу безмолвно я сквозь слезъ,
И жду, чтобъ вновь пророкъ великій
Скрижали истины принесъ;

Чтобы сверкнулъ онъ гнѣвнымъ взоромъ,
Какъ грозной молніи лучомъ,
Чтобъ надъ ликующимъ позоромъ
Съ Синая грянулъ древній громъ!

Но громъ молчитъ; забытый міромъ
Почившій Богъ ужъ не грозитъ,
И въ восхищеньи предъ кумиромъ
Толпа и пляшетъ, и шумитъ;

Ростетъ и блещетъ пиръ безумный,
Ему нѣтъ мѣры и конца,
Какъ волнъ морскихъ потѣхѣ шумной
Вкругъ лодки сираго пловца!

---

* * *

Бушуетъ буря, ночь темна.
Внимаю вѣтра завыванья.
Онъ, какъ бродяга, у окна
Стучитъ и проситъ подаянья.

Отдамъ ему свою печаль,
Печаль, что въ сердцѣ тайно тлѣетъ—
Пусть въ полѣ онъ ее развѣетъ
И унесетъ съ собою вдаль!

* * *

Меня ты въ толпѣ не узнала—
Твой взглядъ не сказалъ ничего;
Но чудно и страшно мнѣ стало,
Когда уловилъ я его.

То было одно лишь мгновенье—
Но, вѣрь мнѣ, я въ немъ перенесъ
Всей прошлой любви наслажденье,
Всю горечь забвенья и слезъ!

---

* * *

Отвыкъ я пѣсни пѣть! Средь мелочныхъ заботъ,
Въ житейской суетѣ умолкло вдохновенье,
И только изрѣдка, въ туманномъ отдаленьи,
Внимаю я мечты таинственный полетъ.

Какъ трепетъ бѣлыхъ крылъ станицы лебединой,
Напѣвъ ко мнѣ летитъ съ небесной вышины,
И грезы юности въ душѣ на мигъ единый
Рождаются, надеждъ и радости полны.

Но кратокъ ихъ привѣтъ! Блеснувшія нежданно,
Вновь гаснутъ призраки, видѣнья и мечты,
И даль скрывается за пеленой туманной,
И ночь опять кругомъ, и буря въ той ночи!

* * *

Покинемъ, милая, шумящій кругъ столицы.
Пора въ родимый край, пора въ лѣсную глушь!
Ты слышишь?—насъ зовутъ на волю изъ темницы
Весны побѣдный шумъ и пѣнье птицъ... Къ чему-жъ,

Намъ усмирять души блаженные порывы?
Иль разлюбила ты желтѣющія нивы,
И рощи свѣжія и хмурые лѣса,

Гдѣ, помнишь, мы вдвоемъ задумчиво блуждали
Въ вечерній часъ, когда темнѣютъ небеса,
И молча бродитъ взоръ въ туманѣ спящей дали?

ВЪ ДОРОГѢ.

Полдень знойный, путь песчаный,
Пустыри и мгла кругомъ.
Спитъ ямщикъ на козлахъ, пьяный,
Тройка тащится шажкомъ.
Колокольчикъ какъ-то вяло
Звякнетъ разъ и замолчитъ...
Нѣтъ, не будетъ, что бывало!
Не проснется то, что спитъ!
Мнѣ домой скучна дорога;
Жарко солнце, пыль столбомъ...
Въ сердцѣ-жъ горя много, много,
О погибшемъ, о быломъ!..

* * *

Какая ночь! Рѣдѣютъ облака,
То здѣсь, то тамъ звѣзда блеснетъ умильно
И скроется... Тиха и глубока
Нисходитъ тѣнь. Луга росой обильной
Обрызганы, и теплый ароматъ
Стоитъ въ недвижномъ воздухѣ. Бывало,
Въ такія ночи сердце трепетало,
Струился въ грудь волшебной страсти ядъ,
И притаясь, исполненный смятенья,
Во тьмѣ я ждалъ внезапнаго видѣнья.
Теперь не то—любуясь красотой,
По сторонамъ безстрастно взоръ блуждаетъ,
И счастливъ онъ окрестной пустотой,
И ничего отъ тьмы не ожидаетъ.
Безлюдье, тишь, спокойствіе и лѣнь;
Таинственный полетъ полночной тишины
Вдали сквозь тучъ безгромныя зарницы,
Въ природѣ и въ душѣ—ночная тѣнь!

* * *

Обнимало душу вдохновенье,
Въ сердцѣ страсти пробуждалась сила,
Словно туча въ полдень заходила,
Словно громъ носился въ отдаленьи.

Я съ подъятой гордо головою
Бури ждалъ, открывъ ей грудь на встрѣчу,—
Молъ, приди помѣриться со мною;
На твой вызовъ смѣло я отвѣчу!

Отчего-жъ ты обманула, буря —
Обернулась въ сѣрое ненастье?
И стою я, голову понуря,
О мелькнувшемъ поминая счастьи.

Что ты, вѣтеръ, плачешь и гуляешь,
Словно пьяный въ Божье воскресенье?
Не по мнѣ-ль поминки ты справляешь,
Не мое-ль хоронишь вдохновенье?

* * *

Я прощался — всю жизнь я прощался
Съ тѣмъ, что было всего мнѣ дороже;
Проносилися годы — и что-же?
Старый призракъ лишь новымъ смѣнялся!

Не запомнить, не счесть ихъ названья —
Они громко и чудно звучали;
Но безслѣдно потомъ исчезали
Въ непроглядной пучинѣ прощанья!

И усталъ я!.. Ревниво, тревожно
Берегу я послѣднее счастье,
Что̀ блеснуло сквозь мракъ и ненастье,
Можетъ быть, не на мигъ и не ложно.

И я знаю—то счастье съ душою
Крѣпко сковано цѣпью булатной;
Коль уйдетъ, такъ уйдетъ безвозвратно —
Но и жизнь унесетъ за собою!

* * *

Я слышалъ сквозь сонъ и стенанья, и пени —
Была непогодная ночь;
Но счастливъ на ложѣ въ объятіяхъ лѣни,
Я звалъ къ себѣ грезы и милыя тѣни,
А правду отталкивалъ прочь.

Она до утра подъ окномъ все стучала
И съ плачемъ просилась ко мнѣ;
Но чудную сказку мечта мнѣ шептала,
Напѣвомъ волшебнымъ тотъ плачъ заглушала —
И я улыбался во снѣ!

Подъ утро утихла печаль-непогода.
Очнувшись, взглянулъ я въ окно:
Согрѣтая солнцемъ смѣялась природа,
Но въ праздничномъ шумѣ, при кликахъ народа
Въ душѣ моей было темно.

Полночную гостью искалъ я тревожно,
Хотѣлося плакать мнѣ съ ней;
Но вкругъ все блистало нарядно и ложно.
И было ее мнѣ найти невозможно
Въ сіяньи полдневныхъ лучей!

Скука.

(Отрывокъ изъ дневника).

СКУКА.

(Отрывокъ изъ дневника).

Темно и тихо... мочи нѣтъ!
Напрасно мысль рѣшеній проситъ—
Теченье жизни не приноситъ
Ни пораженій, ни побѣдъ.
Воспоминанья стыдъ наводятъ,
Надеждъ не видно и слѣда;
Часы летятъ, и дни проходятъ,
И молча крадутся года.
Подъ вечеръ сладостно зѣвая,
Мы завтра ничего не ждемъ,
И скука—скука роковая
Одна надъ всѣмъ царитъ кругомъ!

Что жъ дѣлать?—спать? иль равнодушно
Ѣсть, пить, глазѣть по сторонамъ,
Пастись безвредно и послушно
По тощимъ нивамъ и лугамъ;
Иль, тяжкую стряхнувъ дремоту,
Сплечà приняться за работу
И «новь» тяжелую пахать?—
Въ умѣ безплодно создавать

Невоплотимые обманы...
Иль длинные писать романы
Иль пѣть любовь... Не все-ль равно?
Все это не худое дѣло,
Да въ томъ бѣда, что надоѣло
И ужъ осмѣяно давно.
Въ насъ нѣтъ ни юности, ни вѣры,
Ни силъ, ни знанья, ни любви;
Мы убѣжденья всѣ свои
Не ставимъ въ грошъ. Къ чему примѣры?
Мы праздно жили и живемъ
И скука намъ порукой въ томъ.

Всепобѣждающая скука,
Ты стала общей госпожой!
Плачъ совѣсти, сомнѣній мука
Давно покорены тобой.
Въ тебѣ одной вся правда нынѣ;
Ты,—жизни цѣль и идеалъ—
Объемлешь, какъ самумъ въ пустынѣ,
И топишь, какъ девятый валъ!
Что юность, пылкость, жажда счастья,
Кипѣнье въ молодой крови,
Порывъ къ свободѣ и любви?..
Нахлынешь ты—и безъ участья
Холодной и слѣпой волной
Ихъ скроешь въ глубинѣ нѣмой,
Откуда къ жизни нѣтъ возврата!
Священнымъ трепетомъ объята

Моя душа передъ тобой—
Я вѣрный рабъ отнынѣ твой.
Къ томужъ, во слѣдъ тебѣ блуждая,
Куда ни заберуся я,
Вездѣ ты дóма, всѣмъ родная,
Всѣ двери настежъ для тебя!
Намедни въ чопорной гостинной
Мы повстрѣчалися съ тобой.
Ты гостьей важною и чинной
Сидѣла; вкругъ тебя толпой
Вилися дамы и мущины...
Въ ихъ тусклыхъ лицахъ и рѣчахъ
Мнѣ отражались, какъ въ водахъ,
Твои недвижныя морщины,
Твой взглядъ упорный, какъ упрекъ,
И скрытый вѣжливо зѣвокъ.
Вотще хозяйка молодая,
Гостей искусно занимая,
Борьбу на смерть съ тобой вела—
Непобѣдима ты была!
Вотще смѣнялися забавы:
Романсы пѣлись, генералъ
Вопросъ восточный разрѣшалъ,
Поэтъ читалъ свои октавы—
Всѣмъ было скучно—отчего?
Никто не могъ понять того,
И каждый думалъ одиноко:
Да чортъ-ли мнѣ въ судьбѣ Востока!
Въ красѣ октавъ et cœterà!

Ахъ, отпустите—спать пора!
А между тѣмъ языкъ привычный
Болталъ, злословилъ, клеветалъ,
«Charmant»—какъ слѣдуетъ шепталъ—
Ну словомъ, вечеръ былъ приличный,
И мерзли чуть не до утра
Передъ подъѣздомъ кучера...

Въ гостинныхъ я привыкъ, смиренно
Въ углу безмолвствуя, зѣвать;
Иль втихомолку дерзновенно
Собранье мыслью покидать
И уноситься въ отдаленье.
Въ тотъ вечеръ, Богъ вѣсть, почему
Воображенью моему
Предстало мрачное видѣнье.
Иная скука въ немъ была:
Она манила и звала
Къ себѣ на помощь; сердце ныло.
Поникнувъ головой уныло,
Забытъ салонною толпой
Я перенесся въ край родной.

Я слышалъ вьюги завыванье
Вокругъ пустынныхъ деревень,
Я видѣлъ томное мерцанье
Лучинъ, сквозь ночи зимней тѣнь;
Холмы, и горы снѣговыя,
Морозъ, мятель и мракъ кругомъ,
Да лица хмурыя, худыя

Въ убогихъ хатахъ предъ огнемъ...
Вотъ, съ тяжкою борясь дремотой,
Согнулась баба надъ работой.
Веретено ея жужжитъ,
Тоску—печаль наводитъ злую.
Мужикъ угрюмо чинитъ сбрую,
Въ качалкѣ дѣтище кричитъ.
Ползутъ часы труда и скуки
Въ молчаньи мертвомъ въ дымной мглѣ,
Но вотъ и ужинъ на столѣ
Явился; трудовыя руки
Взялись за ложки... Хлѣбъ, вода,
Квасъ кислый—ужинъ хоть куда!
За все благодаренье Богу.
Всѣ напитались понемногу;
Трапезу кончивъ, поднялись,
На полки утварь посовали,
Перекрестились, повздыхали
И вновь за дѣло принялись.
И вновь безмолвье, трескъ лучины,
Докучный шумъ веретена,
Покой безпомощной кручины,
Стенанье вѣтра у окна,
Морозъ и вьюга надъ полями,
Луна средь дымныхъ облаковъ,
Да на дворахъ за воротами
Унылый лай голодныхъ псовъ...

Чу! дальній звукъ... Не шумъ мятели,
Не вѣтра свистъ... По мерзлой ели

Въ лѣсной глуши стучитъ топоръ.
Спѣши, голодный, робкій воръ,
Свершить свою во мракѣ кражу!
На дровни взваливай поклажу,
И съ ней домой... Ночная тѣнь
Тебя укроетъ отъ позора;
Прозябшей совѣсти укора
Ты не услышишь: третій день
Ужъ не топилъ ты ветхой хаты,
Продрогли малые ребята,
Жена больна—вези скорѣй,
Пусть печь пылаетъ горячѣй;
А позади, въ лѣсу дремучемъ,
Пусть громче вьюга запоетъ,
И снѣгомъ пышнымъ и сыпучимъ
Твой слѣдъ преступный занесетъ!
Прощай, дружокъ!

Во тьмѣ безлюдной
Опять все стихло, и съ небесъ
Взглянулъ сквозь тучи мѣсяцъ чудный
На бурей возмущенный лѣсъ;
Взглянулъ—и полетѣлъ на встрѣчу
Снѣгамъ и тучамъ, какъ герой,
Въ доспѣхѣ боевомъ, на сѣчу
Съ враговъ нестройною толпой.
И звѣзды вслѣдъ за нимъ помчались,
И вихрь взыгралъ, и разбѣжались
Дружины тучъ во всѣ концы,

Какъ съ поля битвы бѣглецы.
Побѣдно мѣсяцъ оглянулся,
Самодовольно улыбнулся
И задремалъ... Волшебный видъ!
Недвижимъ лѣсъ, равнина спитъ,
Спокойно улеглись сугробы;
Темнѣетъ на холмѣ село.
Избушки низкія, какъ гробы,
Молчатъ, не дышатъ. Все бѣло,
Все нѣмо; только волкъ голодный
Свершаетъ свой дозоръ безплодный;
На зло и страхъ голоднымъ псамъ
По гумнамъ бродитъ и дворамъ,
Скучаетъ и на мѣсяцъ воетъ,
Иль падаль вдругъ почуя, роетъ
Пушистый снѣгъ... Спѣши и ты
Украсть добычу, воръ трусливый!
Тащи ее скорѣй въ кусты,
Къ своей трущобѣ молчаливой—
Не то, бѣда!—неровенъ часъ—
Подстерегутъ, убьютъ какъ разъ!..
Прощай, дружокъ! . . . . . .
. . . .

— Да полно вамъ мечтать! Ужели
Все сочиняете стихи?—
Такъ прервала мечты мои
Хозяйка. Мигомъ улетѣли
Мечты всѣ прочь! Передо мной

Она стояла, молодая,
Нарядомъ и красой блистая,
Съ поднятой гордо головой.
Гостей окинувъ томнымъ взглядомъ,
Она со мною сѣла рядомъ
И мнѣ шепнула: «Боже мой!
Какъ это все мнѣ надоѣло!
Какъ скучно, скучно!—Ваше дѣло
Меня разсѣять... Вотъ альбомъ.
Безъ долгихъ размышленій въ немъ
Стихи на память мнѣ впишите—
Экспромтъ, признанье—что хотите;
Любезность, дерзость—все равно,
Лишь только было-бы смѣшно».
И, злобой тайной вдохновенный,
Альбомъ я въ руки смѣло взялъ,
И въ немъ красавицѣ надменной
Желанья сердца написалъ:

«Скучай—ты создана для скуки;
Тебѣ инаго дѣла нѣтъ.
Ломай и голову и руки—
Тебѣ на все одинъ отвѣтъ!»

«Скучай въ тиши уединенья,
Влача досугъ ненужныхъ дней;
На празднествахъ, при звукахъ пѣнья,
При блескѣ камней и огней.»

На мотивъ Гете.

„Augen, sagt mir, sagt, was sagt ihr?“

Ахъ, скажите мнѣ прямо, чудесные глазки,
То, что страхъ какъ вамъ высказать хочется,—нѣчто
Въ родѣ музыки—нѣжной, съ какою, быть можетъ,
Раскрывается почка цвѣтка....

Только, кажется, я ужь васъ понялъ, чудесные глазки!
Догадался, какой тутъ цвѣтокъ ужь готовъ распуститься....
Что-то свѣтится, вижу я, въ васъ изъ-глубока.
Одинокое сердце—да?—свѣтится въ васъ?

И ему, одинокому, какъ бы хотѣлось скорѣе
Среди стольскихъ безсмысленныхъ глазъ, то холодныхъ, то наглыхъ,
Повстрѣчать наконецъ хоть бы взглядъ, хоть одинъ бы
Взглядъ, который какъ солнце его бы пригрѣлъ!...

О, чудесные глазки! пока углубляюсь
Я въ таинственный міръ, что изъ васъ, полный нѣги, такъ смотритъ,
Попытайтесь и вы въ мое сердце поглубже проникнуть,
Попытайтесь понять—не о томъ ли болитъ и оно?

А. Майковъ.

Тревогу чувствъ изъ сердца вынулъ,
Кругомъ ночныя тѣни сдвинулъ,
И лучъ сознанья погасилъ.
Я позабылся. . . . .
. . . .

II

СМЕРТЬ.

1.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Плакалъ ребенокъ. Свѣча, нагорая,
Тусклымъ мерцала огнемъ;
Цѣлую ночь, колыбель охраняя,
Мать не забылася сномъ.
Рано-ранёхонько въ дверь осторожно
Смерть сердобольная—стукъ!
Вздрогнула мать, оглянулась тревожно...
«Полно пугаться, мой другъ!
Блѣдное утро ужъ смотритъ въ окошко
Плача, тоскуя, любя,
Ты утомилась... Вздремни-ка немножко—
Я посижу за тебя.
Угомонить ты дитя не съумѣла,
Слаще тебя я спою.»
И, недождавшись отвѣта, запѣла:
«Баюшки бàю—баю́.»

Мать.

Тише! ребенокъ мой мечется, плачетъ!
Грудь истомитъ онъ свою!

Смерть.

Это со мной онъ играетъ и скачетъ.
    Баюшки баю-баю.

Мать.

Щеки блѣднѣютъ, слабѣетъ дыханье...
    Да, замолчи-же, молю!

Смерть.

Доброе знаменье—стихнетъ страданье.
    Баюшки баю-баю.

Мать.

Прочь ты, проклятая! Лаской своею
    Сгубишь ты радость мою!

Смерть.

Нѣтъ, мирный сонъ я младенцу навѣю.
    Баюшки баю-баю.

Мать.

Сжалься! Пожди допѣвать хоть мгновенье
    Страшную пѣсню твою!

Смерть.

Видишь—уснулъ онъ подъ тихое пѣнье —
    Баюшки баю-баю.

2.

ТРЕПАКЪ.

Лѣсъ, да поляны. Безлюдье кругомъ.
Вьюга и плачетъ и стонетъ,
Чудится, будто, во мракѣ ночномъ,
Злая кого-то хоронитъ.
Глядь—такъ и есть! Въ темнотѣ мужика
Смерть обнимаетъ, ласкаетъ,
Съ пьяненькимъ пляшетъ вдвоемъ трепака,
На ухо пѣснь напѣваетъ.
Любо съ подругою бѣлой плясать!
Любо лихой ея пѣснѣ внимать!

Охъ, мужичокъ,
Старичокъ
Убогой,
Пьянъ напился,
Поплелся
Дорогой,
А мятель-то, вѣдьма, поднялась,
Взыграла!
Съ поля—въ лѣсъ дремучій невзначай
Загнала!

Горемъ, тоской,
Да нуждой
Томимый,
Лягь, отдохни,
Да усни,
Родимый!

Я тебя, голубчикъ мой, снѣжкомъ
Согрѣю;
Вкругъ тебя великую игру
Затѣю.

Взбей-ка постель,
Ты, мятель,
Лебедка!
Ну, начинай,
Запѣвай,
Погодка,
Сказку—да такую, чтобъ всю ночь
Тянулось,
Чтобъ пьянчугѣ крѣпко подъ неё
Уснулось!

Гой вы лѣса,
Небеса,
Да тучи!
Темь, вѣтерокъ,
Да снѣжокъ
Летучій!

Станемъ-ка въ кружки, да удалой
Толпою
Въ пляску развеселую дружнѣй
За мною!

Глянь-ка, дружокъ,
Мужичокъ
Счастливый;
Лѣто пришло,
Разцвѣло!
Надъ нивой
Солнышко смѣется, да жнецы
Гуляютъ,
Снопики на сжатыхъ полосахъ
Считаютъ.

. . . .

Лѣсъ, да поляны. Безлюдье кругомъ.
Стихла недобрая сила.
Горькаго пьяницу въ мракѣ ночномъ
Съ плачемъ мятель схоронила.
Знать, утомился плясать трепака,
Пѣсни пѣть съ бѣлой подругой —
Спитъ, не проснется... Могила мягка
И ужъ засыпана вьюгой!

———

3.

СЕРЕНАДА.

Нѣга волшебная, ночь голубая,
  Трепетный сумракъ весны:
Внемлетъ, поникнувъ головкой, больная
  Шепотъ ночной тишины.
Сонъ не смыкаетъ блестящія очи,
  Жизнь къ наслажденью зоветъ,
А въ полумракѣ медлительной ночи
  Смерть серенаду поетъ:

«Знаю: въ темницѣ суровой и тѣсной
  Молодость вянетъ твоя.
Рыцарь невѣдомый, силой чудесной
  Освобожу я тебя.

«Старость бездушная шепчетъ напрасно:
  Бойся любви молодой!
Ложно измыслила недугъ опасный,
  Чтобъ не ушла ты со мной.

«Но посмотри на себя:—красотою
  Ликъ твой прозрачный блеститъ;
Щеки румяны; волнистой косою
  Станъ твой, какъ тучей, обвитъ.

«Пристальныхъ глазъ голубое сіянье
Ярче небесъ и огня;
Зноемъ полуденнымъ вѣетъ дыханье —
Ты обольстила меня!

«Въ вешнюю ночь за тюремной оградой
Рыцаря голосъ твой звалъ...
Рыцарь пришелъ за безцѣнной наградой;
Часъ упоенья насталъ!»

Смолкнулъ напѣвъ; прозвучало лобзанье...
Въ долгомъ лобзаніи томъ
Слышались вопли, мольбы и стенанье —
Тихо все стало потомъ.
Но поутру, когда ранняя птица
Пѣла, любуясь зарей,
Робко въ окно заглянувши, денница
Трупъ увидала нѣмой.

4.

НЕПОДПИСАННОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

(Разсказъ Смерти).

Однажды по землѣ блуждала я
И городъ увидала; надъ рѣкою
Стоялъ онъ, жизнью суетной шумя.

Изъ зданій, громоздившихся толпою,
Мое вниманье привлекло одно
Надменностью, богатствомъ и красою.

Былъ вечеръ; становилося темно.
Зажглись огни на улицѣ и въ домѣ...
Тихонько заглянула я въ окно:

Въ роскошно убранной, большой хоромѣ
Сѣдой старикъ съ морщинистымъ лицомъ
Лежалъ въ безсильной старческой истомѣ.

Нагнувшися надъ письменнымъ столомъ,
Писецъ его выслушивалъ прилежно,
И бойко по листамъ скрыпѣлъ перомъ,

Межъ тѣмъ какъ старика съ улыбкой нѣжной
Красотка молодая, наклонясь,
Ласкала тихо ручкой бѣлоснѣжной;

А тотъ, въ восторгѣ немощномъ бодрясь,
Твердилъ стократъ: «все ей, все милой Мери,
«Я завѣщать хочу! Въ мой смертный часъ

«Наслѣдниковъ законныхъ прочь отъ двери
«Нещадно гнать! Ихъ ненавижу я —
«Они моей кончины ждутъ, какъ звѣри;

«А ты, о Мери, любишь вѣдь меня?» —
— «Люблю, люблю» — красотка отвѣчала —
«Хотя порою вѣтренность твоя

«Во мнѣ и страхъ, и ревность пробуждала!» —
«—Теперь я твой навѣкъ!» — шепталъ старикъ;
Но всталъ писецъ... и Мери тотчасъ встала.

Свидѣтели явились... Въ тотъ-же мигъ
Свершилось бы нелѣпое рѣшенье;
Но я вошла!.. и, прикусивъ языкъ,

Сѣдой богачъ въ несказанномъ смятеньи
Позеленѣлъ и смолкъ; въ его глазахъ
Костей моихъ явилось отраженье...

И всѣхъ объялъ потѣшный, шумный страхъ!
Смертельную въ лицѣ увидѣвъ муку,
— «Пиши! — стонала Мери въ попыхахъ —

«Вотъ, вотъ перо... да протяни-же руку!..» —
— «Воды, воды!» — слугамъ писецъ кричалъ,
Но ни мольбамъ, ни бѣготнѣ, ни стуку

Избранникъ мой, конечно, не внималъ.
Я шла къ нему неспѣшными шагами,
Приблизилась, толкнула... Онъ упалъ

Съ дивана на зѐмь. Тяжкими ногами
Къ нему тогда ступила я на грудь.
Онъ захрипѣлъ, и заморгалъ глазами,

И завопилъ: «На помощь!.. кто нибудь!»
Но стала я плясать — и предо мною
Отъ ужаса никто не смѣлъ дохнуть!

И онъ задохся подъ моей пятою.

Гашишъ.

(Разсказъ туркестанца).

Посвящается В. В. Стасову.

Ты видишь, ликъ мой тощъ и блѣденъ;
Я нищъ и старъ; я скорбью съѣденъ.
Я былъ и молодъ, и богатъ —
Я расточилъ свое богатство;
Промчалась юность; много кратъ
Враговъ извѣдалъ я злорадство
И лживую печаль друзей:
То казнь была моей гордынѣ.
Ужь мнѣ не жаль минувшихъ дней!
Съ судьбою примирившись нынѣ,
Я въ потѣ дряхлаго лица
Тружусь и жизни жду конца;
Но памятенъ мнѣ день ужасный,
Когда, презрѣнный и несчастный,
Одинъ, безъ крова, въ поздній часъ,
Я очутился въ первый разъ.
Ужь тѣнью Самаркандъ покрылся,
Народъ съ базара расходился,
Дервиша смолкъ унылый крикъ,
Закрылся торгъ, кончались споры...
Дородный сартъ, сѣдой старикъ,
Съ усильемъ надвигалъ запоры
На двери лавочки; огонь

Блеснулъ въ потемкахъ; чей-то конь,
Понуря голову, лѣниво
Брелъ безъ хозяина домой.
Все утихало, лишь порой
По сонной улицѣ пугливо
Перебѣжать изъ дома въ домъ
Спѣшила женщина; потомъ,
Какъ мышь, въ тѣни двора скрывалась —
И вновь молчанье водворялось.
Счастливый часъ для богачей!
Ихъ ждутъ объятья женъ стыдливыхъ,
Иль пиръ въ кругу друзей шумливыхъ,
При пляскѣ молодыхъ бачей.
Ужь за стѣной раздались клики,
И музыки веселый звукъ,
И пляски быстрый топотъ... Вдругъ
Смятенье, ревъ несется дикій:
Бача лукавый угодилъ,
Восторгъ собранье охватилъ;
Бѣгутъ, и мечутся, и стонутъ...
Но вотъ опять всѣ звуки тонутъ
Въ ночномъ молчаніи...
Луна
Изъ-за садовъ свой ликъ являла
И городъ сонный освѣщала.
Въ ту ночь казалась мнѣ она
Блѣдна и зла. Людьми забытый,
Къ стѣнѣ прижавшися, нѣмой,
Съ поникшей долу головой

Стоялъ я; злобой ядовитой
Томилася больная грудь, —
Мнѣ было негдѣ отдохнуть!
И о судьбѣ своей жестокой
Въ тиши я плакалъ одинокій;
Но нищему внималъ Алла;
Къ нему печаль моя дошла:
Онъ помощь мнѣ послалъ нежданно.
Вдругъ, вижу я, — передо мной
Старикъ съ дрожащей головой
Стоитъ; таинственно и странно
Мерцаетъ безпокойный взглядъ
Очей, луною озаренныхъ;
Въ устахъ, усмѣшкой искривленныхъ,
Зубовъ темнѣетъ черный рядъ...
И звуки вкрадчиваго слова
Я слышу въ тишинѣ ночной:
— О чемъ ты плачешь? — Я безъ крова.
— Кто ты? — Наказанный судьбой,
За то, что... — Удержись! Причину
Мнѣ знать не нужно; проходя,
Въ ночи твой плачъ услышалъ я
И захотѣлъ твою кручину
Совѣтомъ мудрымъ облегчить.
— Отстань старикъ! Твое участье
Не нужно мнѣ; мое несчастье
Никто не можетъ исцѣлить!
— Смири порывъ гордыни ложной.
Вотъ кошелекъ; мой даръ ничтожный

Прими и слушай: средство есть
Въ печаляхъ вѣдать наслажденье,
И, позабывъ судьбы гоненье,
Съ отрадой бремя жизни несть.
Ты плачешь; но въ земной юдоли
Унынья, нищеты, заботъ
Алла спасенье подаетъ
Рабамъ его священной воли.
Алла могучъ! Гашиша дымъ
Для счастья нищихъ созданъ имъ!
Скорѣй-же, горемъ отягченный,
Иди въ пріютъ уединенный,
Струю волшебную вдыхай, —
И тяжесть скорби безъисходной
Съ души спадетъ, и, вновь свободный,
Ты на землѣ познаешь рай.

Сказалъ и быстро удалился,
Оставивъ даръ въ рукѣ моей...

Въ кофейнѣ огонекъ свѣтился, —
Шатаяся, побрелъ я къ ней.
Вошелъ... Средь дымнаго тумана
Сидѣли люди вкругъ кальяна.
Кто самъ съ собой велъ разговоръ,
Кто, на огонь уставивъ взоръ,
Въ торжественномъ оцѣпенѣньи,
Казалось, созерцалъ видѣнье;
Кто, мирно голову склонивъ

На грудь, въ дремоту погружался,
Кто пѣньемъ сладкимъ упивался...
Я сѣлъ угрюмъ и молчаливъ,
Чубукъ схватилъ рукою жадной,
Вдохнулъ гашиша дымъ отрадный
И дожидаться сталъ. Порой,
Объятъ невѣдомой мечтой,
Кофейни гость въ восторгѣ дикомъ
Вставалъ, и хохотомъ, и крикомъ
Вертепъ убогій оглашалъ;
Тогда хозяинъ прибѣгалъ,
Чтобы унять безумца бранью;
Но, преданъ чудному мечтанью,
Окрестъ не видя ничего,
Счастливецъ презиралъ его
Ничтожный гнѣвъ и въ плясъ пускался.
Но вдругъ почудилося мнѣ,
Что самъ, какъ-будто въ странномъ снѣ
Я громкимъ смѣхомъ заливался.
Да гдѣ-же горе? — Горя нѣтъ!
О чемъ я плакалъ такъ недавно?
На что сердился своенравно?
Мнѣ счастье нѣжный шлетъ привѣтъ!
Я все забылъ... я въ упоеньи...
То было райское мгновенье!
Я понялъ, что гашиша дымъ
Ужь духомъ властвовалъ моимъ.

Быть можетъ, житель странъ холодныхъ,

Суровыхъ, темныхъ и безплодныхъ,
Не вѣдалъ ты въ снѣгахъ своихъ
О чудныхъ таинствахъ Востока?
Я разскажу тебѣ о нихъ,
Во славу Бога и Пророка.
Внемли-жь словамъ моимъ, пришлецъ,
И вѣрь правдивому разсказу!
За слово лжи пускай Творецъ
Пошлетъ на плоть мою заразу,
Пусть изсушитъ источникъ водъ
Мнѣ на пути въ степяхъ горючихъ,
И облакомъ песковъ летучихъ
Мой трупъ истлѣвшій занесетъ!

Забывъ житейскія тревоги,
Унылыхъ мыслей не тая,
На войлокѣ, поджавши ноги,
Сижу я, веселъ, какъ дитя!
Куда ни обращаю взоры,
Повсюду дивные узоры
И разноцвѣтные ковры,
Роскошной Персіи дары;
Шелками шитые халаты,
Въ сіяньи золота чалмы,
За мигъ—и блѣдны, и темны,
Теперь—прекрасны и богаты, —
Пестрѣютъ ярко предо мной
Игривой, радужной красой!
А люди, люди! Не похожи

Они вдругъ стали на людей:
Забавный видъ! Какія рожи!
То сонмъ невиданныхъ звѣрей!
Одинъ вѣтвистыми рогами
Товарища бодаетъ въ бокъ;
Другой, съ руками и ногами
Въ ковровый спрятавшись мѣшокъ,
Клубочкомъ по полу катится;
Кто выросъ вдругъ до потолка,
А кто сталъ мельче паука...
Все пляшетъ, мечется, кружится —
Быстрѣй, быстрѣй—и, увлеченъ
Въ туманѣ дикаго вращенья,
Изъ глазъ теряю я видѣнья
И вдругъ, какъ-будто дальній стонъ,

Раздался звонъ.
Такъ чуденъ онъ,
Что, упоенъ,
Я въ сладкій сонъ
Имъ погруженъ.
И все кругомъ,
Объято сномъ,

Внимаетъ въ сумракѣ нѣмомъ,
Какъ, потрясая небосклонъ,

Несется онъ,
Тотъ дивный звонъ.

Звонъ—и широко раскрылись зѣницы!
Звонъ—я на волѣ; подулъ вѣтерокъ;
Звонъ—пробудилися пѣвчія птицы,
Алой зарей разгорѣлся востокъ.
Съ звономъ сливаются новые звуки:
Каплетъ роса съ оживленныхъ деревъ,
Вѣтви въ одеждѣ зеленыхъ листовъ
Манятъ меня, какъ мохнатыя руки,
Въ темныя сѣни роскошныхъ садовъ.

Ропщутъ тамъ воды—прозрачныя воды!
Къ нимъ, покидая узорные своды
Пышныхъ гаремовъ, веселой гурьбой
Жены эмира съ зарей прибѣгаютъ,
Пѣсни ихъ громкія страсть распаляютъ,
Будятъ желанья въ груди молодой...
Крѣпкія стѣны красу ихъ скрываютъ...
Но, какъ тигрица на гриву коня,
Бѣшено на стѣну кинулся я.

Прыгнулъ — и вотъ за ревнивой оградой
Жадно дышу благовонной прохладой;
Спрятавшись въ чащѣ кудрявыхъ кустовъ,
Жду я видѣній; но тѣхъ голосовъ,
Что долетали ко мнѣ за мгновенье,
Смолкло волшебно-лукавое пѣнье.
Все въ неподвижно-нависшихъ садахъ
Пусто... Но чу! Недалеко въ кустахъ
Слышится шопотъ, призывъ потаенный:

«Спѣши, мой яхонтъ драгоцѣнный,
Ко мнѣ, ко мнѣ! Я здѣсь одна;
Тревогой грудь моя полна.
Я жажду наслажденій новыхъ,
Безумныхъ, молодыхъ страстей.
Я ускользнула отъ очей
Эмира евнуховъ суровыхъ,
Чтобъ убѣжать съ тобою въ даль.
Ужель тебѣ меня не жаль?
Я молода... не въ силахъ долѣ
У старика скучать въ неволѣ;
Возьми меня, люби меня.
Ты смѣлъ и молодъ—я твоя!»

И та, чей голосъ соловьиный
Меня такъ чудно призывалъ,
Явилась мнѣ, и станъ змѣиный
Къ груди съ весельемъ я прижалъ.
Меня отталкивали руки.
«Боюсь... ступай...» шепталъ языкъ,
«Не уходи», съ улыбкой муки
Молилъ откинувшійся ликъ.
Я видѣлъ взоръ сердито-нѣжный
Сквозь сѣть опущенныхъ рѣсницъ:
Пылалъ онъ страстію мятежной,
Какъ туча, полная зарницъ!
Я чуялъ сердца трепетанье
(Такъ голубь бьется молодой
Въ когтяхъ орла, еще живой)...

И жгло меня любви дыханье,
Какъ вихрь пустыни, въ страшный часъ,
Когда, играя и кружась,
Самумъ съ полудня налетаетъ
И караваны заметаетъ
Горячей пылью...
Чудный сонъ!
Какъ дымъ мгновенный, скрылся онъ.
Въ волнахъ нежданныхъ тьмы глубокой
Призывъ промчался одинокій,
Прощальный, безпомощный стонъ!
И страхъ предъ местію жестокой
Внезапно душу обуялъ...
То было краткое мгновенье;
Но непостижное мученье
Я въ то мгновенье испыталъ!
Темницы тѣсной мракъ и холодъ,
Терзанье пытки, жажду, голодъ,
Неумолимый гнетъ оковъ...
Казалось мнѣ — рои клоповъ
Въѣдались въ плоть мою; землею
Я былъ засыпанъ съ головою *);
Я погибалъ!
И вдругъ на мигъ,
Среди ужаснаго мечтанья,
Во мнѣ проснулся лучъ сознанья;

*) Среднеазіатскіе деспоты сажаютъ преступниковъ въ зинданъ — тѣсную подземную темницу, наполненную клопами.

Въ кофейнѣ я услышалъ крикъ:
«Вяжи его!»—и въ то-жь мгновенье
Я навзничь съ грохотомъ упалъ,
И кто-то руки мнѣ связалъ, —
И вновь насмѣшки, брань и пѣнье...
Но скоро въ вихрѣ новыхъ думъ
Исчезъ земли презрѣнный шумъ.

И чую я — крылья ростутъ за плечами,
Орлиныя крылья! И тучи кругомъ
Таинственно шепчутъ, несутся клубами...
Вдругъ молніи блескъ, оглушительный громъ...
И мчусь я въ пространствѣ, обвитый грозою,
Любуяся съ неба далекой землею.
Тамъ лентой серебристою вьется рѣка,
Въ ней такъ-же, какъ въ небѣ, бѣгутъ облака!
Склонившись на берегъ, аулъ одинокій
Задумчиво дышетъ прохладой волны,
А справа и слѣва по степи широкой
Пасутся киргизскихъ коней табуны.
И вижу я въ дымкѣ степнаго тумана —
Торжественно движется цѣпь каравана.
Мнѣ слышится шорохъ песчаныхъ зыбей,
Шаганье верблюдовъ и ржанье коней;
Цвѣтистой, сверкающей, длинною цѣпью
Плывутъ, извиваясь надъ желтою степью,
Лѣниво колеблясь, взрывая пески,
И ярко на солнцѣ бѣлѣютъ тюки;
А черные кони, какъ черныя тучи,

То медлятъ, то мчатся, послушно-могучи.
Вотъ близится всадникъ... Отецъ мой, отецъ!
Тебя я узналъ! Посмотри, твой птенецъ,
Давно отъ гнѣзда непогодой отбитый,
Тобою, быть можетъ, уже позабытый
Опять отыскался... Тебя онъ зоветъ,
Къ тебѣ онъ летитъ... Но безплоденъ полетъ:
Скрывается призракъ степнаго обмана
И нѣтъ ужь верблюдовъ, коней, каравана...

Безлюдно все снова вокругъ.
Не бьются усталыя крылья,
Съ уныньемъ и стономъ безсилья
На землю я падаю вдругъ.
И снова одинъ,
Средь мертвыхъ равнинъ,
Лежу на пескѣ
Въ безмолвной тоскѣ,
А хищникъ степной,
Орелъ, надо мной
Летаетъ, кружитъ,
Въ глаза мнѣ глядитъ —
И, страхомъ объятъ,
Я понялъ тотъ взглядъ.

Онъ говорилъ съ насмѣшкою спокойной:
«Усни, усни недвижнымъ, мертвымъ сномъ!
Пусть солнца лучъ въ степи пылаетъ знойной:
Накрою я тебя своимъ крыломъ.

Зачѣмъ держать въ умѣ пустыя грезы?
Зачѣмъ блеститъ въ глазахъ твоихъ слеза?
Я съѣмъ твой умъ, я выпью твои слезы,
Я выклюю ненужные глаза.

Мятежныя волнуютъ сердце страсти —
Я сердце отыщу въ груди твоей
И выпу вонъ, и разорву на части:
Оно умретъ для горя и страстей!

И звѣрь придетъ, прожорливый и смѣлый,
И хлынетъ дождь, и вѣтеръ набѣжитъ;
Надъ грудою костей, сухой и бѣлой,
Вновь солнца лучъ веселый заблеститъ.

Но и тогда тебя я не покину:
И день, и ночь, орелъ сторожевой,
Я стану крикомъ оглушать равнину
И охранять костей твоихъ покой!»

Я молча внималъ.
Орелъ подлеталъ
Все ближе ко мнѣ...
Но вдругъ въ тишинѣ

Дрогнула степь, поднимается ропотъ,
Шумъ и оружій бряцанье, и топотъ.
Вижу: несутся, какъ вѣтеръ легки,
Всадники... Врагъ!.. Ты творишь-ли молитвы?

Сабли ихъ остры; какъ лѣсъ, бунчуки
Подняты, вьются, предвѣстники битвы.
«Полно, товарищъ, покоиться, встань!
Вѣрному-ль время терять за мечтами?
Вотъ тебѣ конь и оружье; за нами
Ты поспѣши на великую брань.

Съ края земли,
Въ знойной пыли,
Звукъ,
Стукъ,
Слышенъ въ дали.
То не обманъ,
Бьетъ барабанъ,
Тамъ
Къ намъ
Съ западныхъ странъ
Вышли полки,
Блещутъ штыки.
Въ строй!
Въ бой!
Близки враги!»

И кони съ весельемъ заржали, и въ сѣчу
Быстрѣе крылатыхъ, погибельныхъ стрѣлъ
Помчались невѣрнымъ гяурамъ на-встрѣчу...
И сталь засверкала, и бой загудѣлъ.
Вихрь пыли и крови взвился надъ землею:
Мелькаютъ въ немъ головы пестрой толпою,

Горящія очи, изсохшія губы,
Страданьемъ и злобою сжатые зубы,
Въ крови распростертые стройные станы,
Предсмертные взоры и смертныя раны...
Но вотъ, перегнувшись на бѣломъ конѣ,
Невѣдомый воинъ несется ко мнѣ:
Блеститъ его сабля, звенятъ его шпоры, —
То русскій, то врагъ! Наши встрѣтились взоры...
Грозя мнѣ, привсталъ онъ на легкомъ сѣдлѣ;
Ужь вижу морщины на старомъ челѣ,
Нарядъ боевой и на бляхахъ насѣчку,
И красныя ноздри коня, и уздечку...
Мгновенье — и бой загорится на смерть.
Я дрогнулъ... Взглянулъ на далекую твердь:
Тамъ, съ пристальнымъ взглядомъ, зловѣще-унылый,
Надъ битвой парилъ Азраилъ длиннокрылый;
Казалось, онъ въ битвѣ кого-то искалъ...
Нашелъ—и, сраженный, съ коня я упалъ!
И конь мой, испуганъ, взвился надо мною,
Какъ буря, дыша и гремя въ вышинѣ.
Взвился, покачнулся и черной скалою
Внезапно застылъ. И почудилось мнѣ,
Что неба достигъ головой онъ косматой,
Что бой раздавилъ онъ, что грудью подъятой
Затмилъ лучезарное солнце. Вокругъ
Все тѣнью ночною покрылося вдругъ,
И звѣзды блеснули, и мѣсяцъ далекій,
Серпомъ перегнувшись, въ лазури глубокой
Повиснулъ, янтарною тучкой обвитъ.

Гляжу—то не конь надо мною стоитъ,
То дикій утесъ при лунѣ серебристой
Вздымается гордо стѣной каменистой.
Онъ дремлетъ... Но сумракъ окрестный гудитъ,
Гудитъ голосами, и плескомъ, и ревомъ...
Все громче и громче! И въ ужасѣ новомъ
Я вспрянулъ, взглянулъ—вѣрь ты мнѣ иль не вѣрь,—
Но цѣлое море, щетинясь, какъ звѣрь,
Объемля всю землю отъ края до края,
Мильонами волнъ и дымясь, и сверкая,
Бѣжало, какъ войско на приступъ, ко мнѣ.
Я кинулся съ воплемъ къ отвѣсной стѣнѣ,
Но звѣрь-океанъ нагонялъ меня. Вотъ —
Къ скалѣ онъ прихлынулъ, скалу онъ грызетъ,
Взметаетъ и пѣну, и брызги, и пламень...
Дрожащей рукой ухватившись за камень,
Не въ силахъ отъ пропасти глазъ отвести,
Висѣлъ я въ пространствѣ. Одежды мои,
Какъ крылья подстрѣленной птицы, метались,
Мнѣ били въ лицо, трепетали и рвались...
И видѣлъ я праздникъ подводныхъ духовъ:
Они веселились въ пучинѣ просторной;
На каждой волнѣ прыгалъ карликъ проворный,
Билъ въ бубны, коверкался на сто ладовъ,
Плевалъ на меня въ вышину и смѣялся,
Нырялъ и опять на поверхность являлся.
И видѣлъ я глубь океана, и рыбъ
Чешуйчатыхъ, малыхъ, большихъ и громадныхъ,

Вертлявыхъ и пестрыхъ, холодныхъ и жадныхъ,
Стадами бродившихъ средь пѣнистыхъ глыбъ.
Все выше и выше вздымались тѣ глыбы,
Все ближе и ближе являлись мнѣ рыбы.
Ужь карлы, скача на упругихъ волнахъ,
Руками старались поймать мои ноги;
Лишь мѣсяцъ далекій, не зная тревоги,
Все ярче и ярче блисталъ въ небесахъ
И звѣзды спокойно мерцали въ лазури,
Гдѣ нѣтъ ни морей, ни утесовъ, ни бури!
И слышалъ я стоны народовъ земныхъ,
Съ полудня, съ полночи, съ заката, съ востока, —
Все гибло въ кипящихъ пучинахъ морскихъ,
Все звало на помощь Аллу и Пророка!
Но черная туча на небѣ взвилась,
Какъ призракъ, махая краями одежды;
И скрылися звѣзды, и мѣсяцъ погасъ —
Послѣдняя искра, послѣдней надежды;
И грянулъ впотьмахъ надъ вселенною громъ,
И голосъ побѣдный послышался въ немъ:

«Вотъ слово Мудраго, — Того,
Кто сотворилъ моря и сушу:
Рабы презрѣнные! Чего
Хотите вы? Я міръ разрушу,
Я новый въ мигъ опять создамъ,
Но въ немъ, отверженцы Пророка,
Клянусь зрачкомъ десного ока,
Уже не будетъ мѣста вамъ!

Не надувайтесь-же гордыней.
Отвѣтьте мнѣ: гдѣ ваша мощь?
Вы зрѣли тучу надъ пустыней,
И говорили — это дождь.
Лжецы! То вихрь, несущій кару;
Готовьтесь къ грозному удару,
Дрожите, падайте во прахъ!...
Зачѣмъ такъ исказились лики?
Что означаютъ эти крики?
Я отвѣчаю: это страхъ
Творившихъ зло и преступленья;
Въ великій день суда и мщенья
Они ничто въ моихъ глазахъ!
Я ослѣплю ихъ всѣхъ туманомъ,
Я затоплю ихъ океаномъ,
Я вскипячу тотъ океанъ,—
Они погибнутъ въ мукахъ ада;
Но ждетъ великая награда
Того, кто въ жизни чтилъ Коранъ»! *)

Умолкъ—и міръ поколебался,
И въ черномъ вихрѣ я помчался,
Куда — не знаю! Предо мной,
Мгновенно слившись въ рой летучій,
Огонь и мракъ, и дымъ, и тучи,
Мелькали съ дикой быстротой,

---

*) Подражаніе Корану.

Безумнымъ хоромъ оглушая,
Свистя, шипя и завывая,
Какъ-будто сонмы злыхъ духовъ
Слетались съ четырехъ концовъ,
На праздникъ гибели вселенной.
Но снова грянулъ громъ священный —
Въ мигъ шумъ смѣнился тишиной,
Умчался ночи мракъ безсильный,
Разлился свѣтъ волной обильной...
Но гдѣ-же я и что со мной?

Надъ головой, безоблачный, безбрежный,
Небесный сводъ раскинулся въ сіяньи,
И радуги великія врата
Семью цвѣтами ярко трепетали.
Казалося, въ нихъ камней самоцвѣтныхъ
Неистощимый, частый лился дождь,
Волшебно въ солнечныхъ лучахъ играя
И падая на блещущаго солнца
Безцѣнный, ослѣпительный алмазъ.
И въ райскія врата вступилъ я смѣло.
Передо мной, въ туманномъ отдаленьи,
Зубчатыхъ стѣнъ причудливый узоръ,
Роскошные дворцы и минареты
Являлись, какъ воздушные обманы,
Какъ генія свободныя мечты.
Я видѣлъ ихъ, но къ нимъ мнѣ не хотѣлось,
Они лишь взоръ красой своей ласкали.
Вокругъ меня цвѣлъ дивный вертоградъ,

И я вдыхалъ цвѣтовъ благоуханье,
То нѣжное, то страстное, какъ счастье
Весеннихъ грезъ и пламенныхъ надеждъ;
Напѣвы птицъ, сливаяся съ журчаньемъ
Лѣнивыхъ волнъ студенаго потока,
Меня влекли подъ сладостную сѣнь
Разросшейся надъ берегомъ оливы.
Тамъ хорошо, въ дремотѣ молчаливой,
Склониться, созерцая вѣчный день.

И я пошелъ, и легъ, и рой видѣній
Слетѣлъ ко мнѣ для страстныхъ наслажденій,
Для радости и нѣги, для любви,
Незнающей печали и разлуки.
Какой языкъ или какіе звуки
Ихъ выразятъ? Закрывъ глаза мои,
Я пилъ вино небеснаго веселья,
И въ облакѣ волшебнаго похмѣлья
Мнѣ слышалось: «Вкушай, вдыхай, лови —
Все для тебя! плоды, цвѣты, лобзанья
Покорныхъ дѣвъ... Улыбки ихъ очей,
Ихъ ласки, ихъ напѣвы, ихъ желанья...
О, не страшись! Огня въ груди твоей
Не утолятъ блаженныя мгновенья:
Здѣсь въ счастьи нѣтъ отравы пресыщенья,
Какъ нѣтъ измѣнъ, притворства и цѣпей!»

И я открылъ и взоры, и объятья
Для счастія...
Но что-же это? Ночь?

Дрожащій свѣтъ, толпа, кофейня?! Прочь!
Прочь съ глазъ моихъ вы, призраки проклятья,
Противный соръ противной мнѣ земли!
Какъ смѣли вы явиться? Какъ могли
Вы заслонить собой картины рая?
Гашишъ, спаси! О, дайте!..
                                        И срывая
Веревки съ рукъ моихъ и ногъ,
Хотѣлъ вскочить я — и не могъ!
Взглянулъ — и стыдъ объялъ меня:
Одежда ветхая моя
Была разодрана въ клочки.
Да гдѣ-жь чалма?.. гдѣ башмаки?
Гдѣ кошелекъ—случайный даръ?
Все, все похищено!.. Угаръ
Надъ распаленной головой
Носился смутною волной;
Но ужасъ жизни созналъ я
И слезъ потокомъ залился.

Пришлецъ! Съ тѣхъ поръ промчались годы.
Поденьщикъ, нищій, рабъ людей,
Влачу безъ цѣли, безъ свободы
Я бремя долгихъ, тяжкихъ дней;
Привыкъ я къ брани и презрѣнью,
Кормлюсь работой кое-какъ...
Но лишь съ небесъ отрадный мракъ
На землю падаетъ, и тѣнью,

Какъ ризой ночи, облаченъ,
Базаръ впадаетъ въ мирный сонъ,
Забытый всѣми, гнусный парій,
Зажавъ въ рукѣ дневной динарій,
Спѣшу въ кофейню я, и тамъ
До утра предаюсь мечтамъ...
Пора! Ты видишь, солнце сѣло,
Томится духъ, устало тѣло...
Пришлецъ! Не хочешь-ли со мной
Ты испытать гашиша чары?
Пойдемъ... Смѣешься?.. Богъ съ тобой!
Прощай... Но если-бы удары
Судьбы жестокой на тебя
Обрушились, и жизнь твоя
Нежданнымъ горемъ омрачилась,
Припомни, что со мной случилось...
Алла могучъ! Гашиша дымъ
Для счастья нищихъ созданъ имъ!

ЛѢСЪ *).

Сказка.

Есть берегъ чудесный — морская волна,
Къ нему подбѣгая, смолкаетъ;
Тамъ, силы дремучей и тѣни полна,
Кругомъ вѣковая царитъ тишина,
Тамъ лѣсъ-богатырь почиваетъ.

Онъ дремлетъ, и грезитъ, и шепчетъ сквозь сонъ.
Волшебенъ и страненъ тотъ шопотъ,
Какъ темная молвь стародавнихъ временъ,
Какъ дальняго вѣча торжественный звонъ,
Какъ моря безбрежнаго ропотъ.

Но шопоту лѣса, но бреду тому
Внимать человѣкъ не дерзаетъ.
Подъ хмурые своды, въ зеленую тьму,
Въ волшебную чащу нѣтъ хода ему, —
Людей къ себѣ лѣсъ не пускаетъ.

Однажды изгнанники чуждой земли
Богъ знаетъ зачѣмъ и откуда —
Причалили смѣло свои корабли

*) Содержаніе заимствовано изъ прозаической сказки А. Додэ «Wood-Stown».

И нà берегъ шумной толпою сошли:
Молъ, жить намъ здѣсь будетъ не худо!

И городъ построить хотѣли они,
Врубилися въ лѣсъ съ топорами,
Работали дружно и ночи, и дни,
Но лѣсъ, охраняя владѣнья свои,
Надъ ихъ издѣвался трудами.

Гдѣ дерево сломятъ, тамъ выростетъ два;
Гдѣ вырубятъ глушь вѣковую,
Тамъ злобной щетиной опять дерева
Ползутъ изъ земли, — а кусты и трава
Сплетаются въ чащу густую!

Разгнѣвались люди и лѣсъ подожгли;
На пеньяхъ среди пепелища,
На черныхъ холмахъ обгорѣлой земли
Себѣ и кумирамъ своимъ возвели
Палаты, дворцы и жилища.

То было ужъ поздней осенней порой,
И лѣсъ ихъ оставилъ въ покоѣ.
Гордилися люди побѣдой такой
И славили мудрость свою... но весной
Вновь горе постигло ихъ злое.

Лишь только на землю съ весеннихъ небесъ
Лучъ солнца блеснулъ горячѣе,
Забытый, проспавшійся зà зиму лѣсъ
Очнулся и снова на приступъ полѣзъ
Несмѣтнаго войска грознѣе.

И чудо свершилось: земля ожила
И силу вдохнула въ строенье,
Въ стропилахъ и бревнахъ вновь жизнь потекла,
Могучая зелень домà облекла,
Въ корняхъ пробудилось движенье.

Сквозь камни и плиты сплошной мостовой
Ростки молодые прорвались.
Сначала не поняли люди, какой
Имъ мрачный сосѣдъ угрожаетъ бѣдой,
И чудомъ такимъ любовались.

Но съ башни дозорной отчаянный крикъ:
«Смотрите на лѣсъ!» — вдругъ раздался,
И люди взглянули: мохнатъ и великъ,
На городъ озлобленъ, нахмуренъ и дикъ,
Со всѣхъ онъ сторонъ надвигался.

И слышался шумъ, какъ отъ многихъ шаговъ,
И ропотъ, и трескъ, и гудѣнье!
Тò рылися корни подъ стѣны домовъ,
Тò вѣтви и сучья мятежныхъ дерёвъ
Въ людское вползали владѣнье!

И ужасъ мгновенно весь городъ объялъ,
И нà смерть борьба завязалась:
Пила завизжала, топоръ застучалъ,
Но лѣсъ все тѣснѣе объятья сжималъ,
Все выше трава поднималась!

И скоро не стало дворовъ, площадей,
Проѣздовъ и улицъ широкихъ.
Все скрылось во мракѣ мохнатыхъ вѣтвей,
Лишь крики, проклятья и стоны людей
Носилися въ дебряхъ глубокихъ!

Все рѣже и глуше звучали они,
Деревья сплетались все гуще;
Въ вершинахъ, какъ въ добрые, старые дни,
Пернатыя хоромъ запѣли въ тѣни;
А лѣсъ разростался все пуще!

Свершилось! — Въ живыхъ ни единой души
На мѣстѣ борьбы не осталось,
И вновь все заснуло средь мертвой тиши;
Людей появленье въ чудесной глуши,
Какъ сонъ мимолетный промчалось!

И нынѣ, какъ прежде, морская волна
Близь тѣхъ береговъ умолкаетъ,
Гдѣ, силы дремучей и тѣни полна,
Кругомъ вѣковая царитъ тишина,
Гдѣ лѣсъ-богатырь почиваетъ.

Но въ царство лѣсное незваныхъ гостей
Пускать она больше не хочетъ,
И, мачты завидѣвъ вдали кораблей,
На встрѣчу къ нимъ мчится съ прибрежныхъ камней,
Дробится, реветъ и грохочетъ!

А лѣсъ-побѣдитель смѣется сквозь сонъ,
И ужасомъ люди объяты,
Бѣгутъ того смѣха! — Пугаетъ ихъ онъ,
Какъ въ полночь набата погибельный звонъ,
Какъ Божьяго грома раскаты!

ПОСЛѢ БИТВЫ.

(Изъ Виктора Гюго).

Съ любимымъ гусаромъ вдвоемъ, мой отецъ,
Герой добродушный и храбрый боецъ,
Верхомъ объѣзжалъ поле битвы.
Равнина тѣлами покрыта была,
Ужъ ночи на землю спускалася мгла —
Вдругъ слышатся стонъ и молитвы...
Разбитаго войска то раненый былъ:
Облитый весь кровію, пить онъ просилъ
Въ терзаніяхъ муки ужасной —
И, сжалясь, отецъ, надъ лежачимъ врагомъ,
Товарищу передалъ флягу съ виномъ,
Сказавъ: пусть напьется несчастный.
Гусаръ наклонился къ страдальцу,—но вдругъ,
Какъ тронутый звѣрь озираясь вокругъ,
Схватилъ пистолетъ, и воспрянулъ,
И пулю въ отца съ дикимъ смѣхомъ послалъ,
И выстрѣлъ былъ мѣтокъ—онъ шапку сорвалъ,
И конь, испугавшись, отпрянулъ.
Но съ доброй улыбкой, безстрашный боецъ,
— Все-жъ пить ему дай ты,—сказалъ мой отецъ.

ТИШИНА.

(Изъ Гёте).

На водахъ покой глубокій,
Безъ движенья море спитъ,
И, заботы полный, кормчій
Въ даль широкую глядитъ.

Ни волненья, ни дыханья —
Гробовая тишина!
Ни одна въ нѣмомъ просторѣ
Не колышится волна.

СЫНЪ ГАЕРА.

При звукахъ литавръ, барабановъ и струнъ,
Толпу потѣшая, канатный плясунъ
Усердно кривляется—мальчика сына
Сгибаетъ въ дугу, ставитъ внизъ головой,
Бросаетъ и ловитъ могучей рукой, —
А тотъ на плечахъ у отца-исполина,
Свершивъ черезъ сцену опасный полетъ,
Ручонки поднявъ, какъ живое распятье,
Является вдругъ надъ толпою—и вотъ
Толпа рукоплещетъ, шумитъ и реветъ!
Ей тайно въ отвѣтъ посылая проклятья,
Ребенокъ измученный прыгаетъ внизъ.
Но слышится грозное, жадное bis!
Плясунъ улыбается, сыну киваетъ
И страшную вновь съ нимъ игру затѣваетъ—
Его опьянили успѣхъ тотъ и крикъ.
Въ груди его радость и взоръ его дикъ,
Онъ мышцы напрягъ съ небывалою силой:
«Ты птицею взвейся, красавецъ мой милый,
«Не бойся—отецъ твой тебя сохранитъ
«Какъ ястребъ полетъ твой онъ зорко слѣдитъ.

«Во взорѣ его и любовь и отвага.
«Правѣе... лѣвѣе... впередъ на полшага!
«Рука протянулась тверда и сильна,
«Безцѣнное бремя удержитъ она!»
Но что-жъ вдругъ случилось? Промчалось мгновенье...
Должно быть, плясунъ, не разсчелъ ты движенье.
Рука твоя въ воздухѣ праздно дрожитъ
А мальчикъ у ногъ раздробленный лежитъ...
И поднялъ отецъ бездыханное тѣло
Взглянулъ... увидалъ и поникъ головой.
Толпа-жъ разглядѣть и понять не успѣла
И шумное браво, какъ громъ прогудѣло,
Привѣтствуя смерти красу и покой! —

МОЛИТВА.

Она предъ иконой стояла святою;
Скрестилися руки, уста шевелились;
Изъ глазъ ея слезы одна за другою
По блѣднымъ щекамъ жемчугами катились.

Она повторяла все чье-то названье,
И взоръ озарялся молитвеннымъ свѣтомъ;
И было такъ много любви и страданья, —
Такъ мало надежды въ моленіи этомъ!

Она преклонилась и долго лежала,
Прильнувъ головою къ землѣ безотвѣтной,
Какъ будто въ томленьи нѣмомъ ожидала,
Что голосъ надъ нею раздастся привѣтный.

Но было все тихо въ молчаніи ночи,
Лампада мерцала во мракѣ тревожномъ,
И скорбно смотрѣли Спасителя очи
На ту, что̀ съ моленьемъ пришла невозможнымъ!

МЯТЕЛЬ.

Мятель поднималась порою ночной
Въ степи, озаренной морозной луной,
И степь задымилась, и степь взволновалась,
И по вѣтру моремъ гудящимъ помчалась,
Вздымая, какъ гребни косматыхъ валовъ,
Летучіе вихри пустынныхъ снѣговъ.

Хотѣлось снѣгамъ тѣмъ подняться съ земли
До звѣздъ, погруженныхъ въ лазурной дали,
Чтобъ звѣзды, луна и лазурные своды
Страдали страданьемъ земной непогоды,
Чтобъ степи голодной полуночный стонъ
Небесъ возмутилъ очарованный сонъ;

Но миръ былъ глубокъ въ голубой вышинѣ,
И мѣсяцъ дремалъ, улыбаясь во снѣ
Мечтамъ неземнымъ и невѣдомымъ грезамъ,
Не внемля безсильнымъ мольбамъ и угрозамъ;
И праздныя звѣзды мерцали кругомъ,
Надъ страстной мятелью, безстрастнымъ вѣнцомъ.

* * *

Когда съ дреколіемъ враги шли на Христа,
Чтобъ увѣнчать Его страданіемъ Креста,
И Тотъ имъ предался, смиренный и безмолвный,
Тогда предъ сонмищемъ, негодованья полный
Лукавый ученикъ, Іуды внемля рѣчь,
Оружье выхватилъ съ угрозой; но Учитель,
Закона новаго творецъ и исполнитель,
«Остановись!» вѣщалъ—«вложи твой въ ножны мечъ
«И не противься злу, да правду міръ постигнетъ:
«Кто обнажаетъ мечъ, тотъ отъ меча погибнетъ!»

НЕНУЖНАЯ ЖИЗНЬ.

Лѣтъ тридцать, иль больше, съ тѣхъ поръ ужъ прошло,
Какъ старые бары скончались.
Сироты, покинувъ родное село,
Гдѣ дѣтство лазурное ихъ протекло,
Въ столицу къ роднымъ перебрались;

Но въ часъ разставанья съ родимымъ гнѣздомъ,
Со всѣмъ, съ чѣмъ ихъ сердце сроднилось,
Съ подернутымъ зеленью старымъ прудомъ,
Съ плотиной, оврагомъ и ближнимъ лѣскомъ,
Гдѣ много грибовъ такъ водилось,

Расхныкались дѣтки: всего-то имъ жаль,
Все мило!—и крѣпко клянутся,
Что вынесутъ бодро разлуки печаль,
Что имъ не полюбится чуждая даль,
Что къ родинѣ скоро вернутся.

Въ столицѣ росли и учились они,
Искусъ проходили суровый;
Но долго сквозь шумъ городской толкотни
Все помнились имъ невозвратные дни,
Все снились поля и дубровы.

Бывало, средь ночи проснется меньшой
(Въ то время ихъ было два брата),
И старшаго кличетъ:—«Приди, успокой!
Мнѣ грезилось что-то... Вдали предъ собой
Я видѣлъ сіянье заката.

«И красные были усадьба, и домъ,
И садъ, и цвѣтникъ, и дорожка;
И сами мы свѣтлые оба идемъ.
Сиренью, жасминами пахнетъ кругомъ;
А мама глядитъ изъ окошка.

«Глядитъ, улыбается, манитъ рукой,
Точь въ точь, какъ, бывало, живая;
И помню во снѣ я, что мамы живой
У насъ уже нѣтъ, что въ могилѣ сырой
Давно почиваетъ родная.

«Но крикнулъ тебѣ я: взгляни-ка!—и къ ней
Бѣжимъ мы, отъ радости скачемъ...
И тутъ я проснулся!.. Приди-же скорѣй,
Лягь рядомъ со мною въ кроваткѣ моей,
Прижмемся другъ къ другу, поплачемъ»...

И плачутъ тихонько, и шепчутъ въ ночи—
Счастливые дни поминаютъ;
И яркаго солнца имъ свѣтятъ лучи,
Киваютъ деревья, и ропщутъ ключи—
И оба въ мечтахъ засыпаютъ.

Дни мчались за днями. Не вынесъ меньшой
Наукъ, сиротства и столицы;
Зачахъ онъ въ неволѣ и умеръ весной,
Когда покрываются вѣтви листвой,
И свищутъ пролетныя птицы.

Хоть клятвы не могъ онъ исполнить своей,
Но въ мигъ тотъ, какъ съ братомъ прощался—
«Бѣги»—прошепталъ онъ—«отсюда скорѣй
И родинѣ милой повѣдай, что ей
До гроба я вѣренъ остался!»

Увы, не свершилъ завѣщанія братъ!
Судьба-ль то была, ихъ хотѣнье?
Богъ вѣсть! Но промчался годовъ длинный рядъ,
А онъ, суетою житейской объятъ,
Все въ чуждомъ блуждалъ отдаленьи.

И многимъ кумирамъ, и многимъ богамъ
Служилъ онъ съ надеждой и страстью;
Ввѣрялся любви благодатнымъ мечтамъ,
Внималъ проповѣдниковъ громкимъ рѣчамъ,
Плѣнялся и славой, и властью.

Казалось, изгнанникъ къ чужбинѣ привыкъ,
Позналъ онъ и жизни науку:
Страстей, вожделеній и лести языкъ;
Но, вотъ, въ тридцать лѣтъ, уже духомъ старикъ,
Онъ впалъ въ безъисходную скуку.

И то не Онѣгина скука была,
Не сытая праздность похмѣлья—
То клятва забытая сердце въ немъ жгла,
Тò чуткую совѣсть свобода звала,
Тò было сознанье бездѣлья!

Чему-жъ поклониться, гдѣ дѣло найти,
Чтò-бъ не было дѣтской игрою?
Покорно-ль во слѣдъ за толпою брести,
Не вѣря ни смыслу, ни цѣли пути,
Въ сторонкѣ склониться-ль къ покою?

Уснуть равнодушно и сновъ не видать,
До самой могилы доспаться,
Улечься плотнѣе въ гробу—и опять,
Безъ просыпа, крѣпко подъ насыпью спать,
Забвенью и тлѣнью предаться!

Нѣтъ, есть еще время вернуться домой!
Найдется тамъ новое дѣло;
Тамъ силы воскреснутъ для жизни иной,
На лонѣ природы, подъ сѣнью родной...
И въ путь онъ пускается смѣло.

Торопится, скачетъ, подъѣхалъ, глядитъ,—
Ждетъ радости, слезъ и тревоги.
Прекрасенъ селенья родимаго видъ—
Но гдѣ-же тревога, чтожъ радость молчитъ?
Иль сердце устало съ дороги?

И, въ домъ не входя, онъ заросшей тропой
Пошелъ вдоль пологаго ската.
Трава и цвѣты покрывались росой,
Багряной и знойной вдали пеленой
Раскинулось море заката.

И красные были усадьба, и домъ,
И садъ, и цвѣтникъ, и дорожка;
Но духомъ унылъ, съ омраченнымъ лицомъ
Онъ шелъ, и предъ нимъ неподвижнымъ пятномъ
Чернѣло пустое окошко!

Взглянулъ онъ и, тягостныхъ думъ превозмочь
Не въ силахъ, поникъ головою.
Ему убѣжать захотѣлося прочь,
Хотѣлось зарю погасить, чтобы ночь
Кругомъ все окутала тьмою;

Но ярко на небѣ пылала заря,
Деревья вкругъ дома шумѣли.
Враждебна была для него ихъ семья;
Какъ будто, съ досадой о немъ говоря,
Они засыпать не хотѣли.

— Зачѣмъ, молъ, явился, незваный герой?
Кто ты и чего тебѣ надо?
— Я вашъ!—восклицалъ онъ съ смущенной душой.
— Тебя мы не вѣдаемъ,—кто ты такой?
Дерёвъ отвѣчала громада.

И въ поле побрелъ онъ: тяжелымъ тепломъ
Дышалъ коноплянникъ мохнатый;
И тѣсно, и душно идти было въ немъ,
На тукахъ разросшемся пышно кругомъ,
Какъ лѣсъ непроглядно-зубчатый.

И внятенъ былъ ростъ его силы слѣпой.
И гостю чужому казалось,
Что воинство стеблей и листьевъ, съ враждой
Вокругъ поднимаясь сплошною стѣной,
Его задушить собиралось.

Тщедушный сынъ нѣги, почуялъ онъ страхъ
Въ рояхъ насѣкомыхъ летучихъ,
На жирныхъ, пропитанныхъ влагой земляхъ,
Подъ небомъ широкимъ и краснымъ, въ волнахъ
Хлѣбовъ и растеній могучихъ.

И, съ поля бѣжавъ, онъ вернулся въ село;
Ему тамъ казалось повапнѣй.
Вотъ прудъ и плотина. Вода, какъ стекло,
Блеститъ при закатѣ; кругомъ все свѣтло,
И сердцу какъ будто отраднѣй.

Онъ сѣлъ, но его отыскала и тутъ
Вражда ему чуждой природы:
Заря уже гаснетъ и тѣни встаютъ,
И сыростью сталъ обнимать его прудъ,
Туманомъ подернулись воды.

И воздухъ окрестный дышалъ холоднѣй;
Къ одеждѣ туманъ прижимался,
И въ кровь проникалъ, и до мозга костей,
До сердца въ груди, злаго недуга злѣй,
Мертвящей струей пробирался.

Тогда одинокій, ненужный пришлецъ,
Какъ врагъ, отовсюду гонимый,
Какъ битвой испуганный жалкій бѣглецъ,
Съ печалью и злобой въ душѣ, наконецъ
Укрылся подъ кровлей родимой.

Безмолвствовалъ мрачно покинутый домъ,
Молчали угрюмыя стѣны,
Старинная утварь, объятая сномъ,
Иконы и предковъ портреты кругомъ,
Какъ вѣчные стражи безъ смѣны.

Но въ блескѣ ихъ взоровъ, сквозь тлѣнье и тьму
Потомокъ привѣтъ себѣ видѣлъ,
Въ нихъ чуялъ онъ тайную злобу къ тому,
Что тамъ за стѣною грозило ему,
Что нынѣ и онъ ненавидѣлъ.

И съ ветхимъ жильемъ онъ союзъ заключилъ,
И власть въ немъ пріялъ господина.
«Добро-жъ»—усмѣхаясь, безумецъ твердилъ —
«На родину, къ отчимъ полямъ я спѣшилъ,
Съ смиреніемъ блуднаго сына.

«Но дѣтства достойныхъ мечтаній и сновъ
Позналъ, тщету и нелѣпость,
И, вотъ, отрезвленный, на битву готовъ,
Мечтамъ недоступенъ и сердцемъ суровъ,
Свой домъ обращаю я въ крѣпость.

«Изъ крѣпости той подчиню себѣ я
Враждебное царство природы,
И, власти моей тяготу раздѣля,
Мнѣ дань принесутъ и луга, и поля,
И степь, и дубравы, и воды!»

Рѣчамъ тѣмъ съ участьемъ внимали живымъ
Безмолвные предковъ портреты;
Какъ будто гордяся потомкомъ своимъ,
Они воскресали теперь передъ нимъ,
Гордыней и пылью одѣты.

Тѣ рѣчи подслушалъ и вихрь — по полямъ
Играя, разнесъ ихъ повсюду,
Разнесъ на потѣху землямъ и водамъ,
Деревьямъ, и птицамъ, и вольнымъ звѣрямъ,
На смѣхъ православному люду.

Смѣялися въ хатахъ своихъ мужички,
Въ дубравахъ деревья смѣялись,
Дрожали отъ смѣха въ травѣ мотыльки,
И громко въ лугахъ хохотали ручьи,
И птицы въ вѣтвяхъ заливались.

«Смотрите, чудакъ отыскался какой!
Какъ съ неба свалился нежданый.
Молъ, баринъ я здѣшній... а самъ чуть живой,
Лядащій, трусливый, глядитъ, какъ чужой,
И бродитъ безъ смысла, какъ пьяный.

«Туда-же съ насъ дань собирается брать;
Ворчитъ себѣ пòдъ носъ сердито;
А поля, небось, не съумѣетъ вспахать,
Да въ пору посѣять, да вò время сжать.
Чтò рожь, не узнаетъ, чтò жито!»

И хохотъ могучій звучалъ все сильнѣй,
Побѣднѣй и шире катился,
Катился отъ пашень, лѣсовъ и полей
И, въ небѣ промчавшись волною своей,
Грозой въ облакахъ разразился.

Дрожалъ отъ ударовъ помѣщичій домъ,
На стѣнахъ портреты дрожали,
Дрожалъ и властитель въ испугѣ нѣмомъ,
Внимая, какъ тѣшилась буря кругомъ,
Какъ тучи, смѣясь, грохотали.

Вновь годы промчались; но рушились въ прахъ
Пришельца надменныя грёзы!
Вотще, какъ слѣпецъ въ непроглядныхъ потьмахъ,
Метался и силы губилъ онъ въ трудахъ —
Его не свершились угрозы.

Съ наслѣдственныхъ пашень, луговъ и полей
Не собралъ онъ хлѣба и дани,
Не могъ покорить онъ ихъ власти своей;
А злоба въ душѣ разгоралась сильнѣй,
Какъ месть побѣжденнаго въ брани.

Однажды—то раннею было весной—
Угрюмый, больной, обнищалый,
Послѣднюю рощу срубивъ за рѣкой,
Въ саняхъ онъ одинъ возвращался домой
Дорогою рыхлой и талой.

Беззвучный и теплый дулъ вѣтеръ съ полей.
Сплошныя, недвижныя тучи
Висѣли уныло; лукавый ручей
Одинъ подъ корой ледяною своей
Роптал, пробираяся съ кручи.

Лошадка лѣнивой, небрежной рысцой
Плелась, спотыкаясь въ просовахъ;
Сѣдокъ утомленный поникъ головой
И возжи пустилъ... Впереди подъ горой
Рѣка еще въ зимнихъ оковахъ

Синѣла и вспухла. Наѣзженный путь,
Чернѣя, по ней извивался;
Казалось, кругомъ все боялось дохнуть
И ждало чего-то, чтобъ цѣпи стряхнуть,
Чтобъ шумъ пробужденья раздался.

Былъ ласковый вечеръ, дышалось легко...
И черствое сердце смягчилось:
Все то, что исчезло давно, далеко,
Все то, что уснуло въ груди глубоко,
Вновь ожило, вновь воротилось.

Весна!—лепеталъ въ умиленьи языкъ.
Весна!—все кругомъ повторяло.
И давнее что-то очнулось въ тотъ мигъ,
И горемъ отмѣченный, сумрачный ликъ
Улыбкой блеснулъ, какъ бывало.

Какія-то чувства въ застывшей крови,
Какія-то мысли и рѣчи
Въ умѣ пробудились, какъ въ полѣ ручьи;
Какой-то далекой, далекой любви
Почудились слезы и встрѣчи.

Былое душѣ улыбнулось тайкомъ,
Какъ свѣтлое счастья видѣнье;
Роднымъ показалось опять все кругомъ,
И, вновь обольщенный, въ восторгѣ нѣмомъ
Онъ мыслитъ: то̀ миръ и прощенье!

Онъ чуетъ, какъ юность могучая въ грудь
Съ дыханіемъ вешнимъ струится;
Знакомый предъ нимъ извивается путь,
Къ рѣкѣ онъ приводитъ. Все тихо. Дохнуть
Земля изъ подъ снѣга боится.

И съ берега быстро къ рѣкѣ онъ скользитъ
Своей опьяненный мечтою.
Рѣка неподвижна, рѣка будто спитъ.
Рѣка притаилась и чутко молчитъ —
И вотъ ужъ онъ ѣдетъ рѣкою.

Чу! треснуло что-то... и вновь тишина.
Русла онъ достигъ середины;
Спѣшитъ... но дохнула подъ нимъ глубина.
Часъ мести насталъ!—и веселья полна
Крушитъ она рыхлыя льдины.

Крушитъ она, и ломаетъ, и жадно реветъ,
Гоняясь за добычей желанной,
Хватаетъ съ размаха и тащитъ подъ ледъ,
Въ пучину холодныхъ, сверкающихъ водъ,
Разверзтую бурей нежданной!

И не было битвы—взыграла весна,
Ненужную жизнь потопила;
Ее заключила въ объятья волна,
И въ глубь погрузила до самаго дна,
И на берегъ трупъ положила.

Заутра его мужики тамъ нашли;
Узнали въ лицо, безучастно
Начальству о случаѣ томъ донесли,
И мертвое тѣло домой повлекли.
А небо синѣло такъ ясно,

Такъ ласково вѣтеръ лобзалъ мертвеца,
Такъ громко его отпѣвали
Прилетныя птицы—и счастье конца
Такъ кротко въ чертахъ отражалось лица,
Такъ было все чуждо печали,

Что, мнилось—на праздникъ шли люди толпой
И радость надъ ними носилась.
Въ лазури лучъ солнца сіялъ золотой,
Природа снимала покровъ снѣговой,
И въ яркое платье рядилась!

БУРЯ.

* * *

Мы шли дорогою. Поля по сторонамъ,
Осеннія поля, печальныя, пустыя,
Дремали въ сумракѣ, и тѣни голубыя
Съ небесъ полуночныхъ слетали тихо къ намъ.
Безмолвствовалъ весь міръ въ отрадѣ чудной ночи,
Лишь неба звѣзднаго внимательныя очи
Уставились на насъ, какъ будто говоря:
«Покоя часъ насталъ, угаснула заря,
Умолкъ вседневный шумъ, утихнули тревоги,
Сверните, странники усталые, съ дороги;
Природу мирную объемлетъ мирный сонъ,—
Пусть, въ мракѣ и ночи и васъ обниметъ онъ!»
Но мы не слушали, что̀ звѣзды намъ шептали;
Въ насъ страсти дикія побѣдно бушевали,
И въ злобный, шумный міръ, на праздникъ суеты
Неслись мятежныя, безумныя мечты!
Намъ слышался вдали зловѣщій шумъ сраженья
И кликовъ яростныхъ, и стоновъ грозный хоръ,
Немолчный громъ и трескъ орудій разрушенья,
Мечей бряцаніе и пушекъ разговоръ,

Какихъ-то тяжкихъ волнъ къ намъ плески доно сились—
Тѡ кровь людей текла широкою волной!
Туда, на этотъ плескъ и стоны мы стремились,
Насъ прелестью убійствъ дразнилъ далекій бой!
Хотѣлось драться намъ—и мы кричали смѣло:
«Въ отмщеніе небесъ поруганныхъ,—впередъ!»
А небо ясное безоблачно синѣло;
Въ немъ заводился звѣздъ обычный хороводъ.
И ночь тиха была, и мѣсяцъ, безпристрастно
На праведныхъ и злыхъ взирая съ высоты,—
«Не полно-ль убивать другъ друга вамъ напрасно?»
Шепталъ съ улыбкою добра и красоты!

1-е ЯНВАРЯ.

За годомъ мчится, годъ въ погонѣ за добромъ,
Богатствомъ, славою и призракомъ свободы.
Мольбы, стенанія, проклятья, смѣхъ и громъ
Отвсюду слышатся; волнуются народы;
Дружатся, ссорятся—конца ихъ распрямъ нѣтъ.
И, внемля издали раскатамъ вѣчной битвы,
Усталъ я повторять усердныя молитвы
Въ надеждѣ праведныхъ побѣдъ.
Мечты заносчивой отяжелѣли крылья,
Угасъ ненужный пылъ тревожныхъ, юныхъ думъ,
Поникла голова въ сознаніи безсилья,
И мудрость ветхая оледенила умъ.
Покорность, какъ змѣя, скользнула въ грудь украдкой.
«Не все-ль тебѣ равно?» она шепнула мнѣ.
«Не слушай жизни стонъ, предайся нѣгѣ сладкой
«Въ уединенной тишинѣ.
«Цѣпей достоинъ рабъ, сумы достоинъ нищій,
«Достойны мертвецы имъ вырытыхъ могилъ,
«Чего-бъ кто ни искалъ—свободы, славы, пищи—
«Виновенъ кто нибудь и правъ кто побѣдилъ.

«Единый въ мірѣ царь. Ему названье—сила.
«Колѣни преклони предъ грознымъ тѣмъ царемъ,
«И удались отъ зла, чтобъ тьма тебя покрыла,
Чтобъ ты забылся сладкимъ сномъ.
«И, можетъ быть, во снѣ слетятъ къ тебѣ видѣнья,
«Въ сіяньи дѣвственныхъ и радужныхъ одеждъ,
«И вновь въ душѣ твоей проснутся вдохновенья,
«Какъ въ годы юности, довѣрья и надеждъ.
«И будешь грезить ты, охваченный борьбою,
«Въ огнѣ, средь мертвыхъ тѣлъ, растоптанныхъ въ крови,
«При громкихъ стонахъ жертвъ, при смѣхѣ надъ тобою,
«О правдѣ, мірѣ и любви!»

ШЕСТВІЕ ВОЙНЫ.

Она идетъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Съ сверкающимъ, налитымъ кровью взоромъ,
Съ высоко поднятымъ въ рукѣ мечомъ,
Съ безсмысленнымъ кровавымъ приговоромъ.
И въ страшный часъ затишья предъ грозой,
Когда въ сердцахъ рождаются молитвы,
Когда еще надъ трепетной землей
Не грянулъ громъ надвинувшейся битвы,
Какъ въ оны дни зачинщикъ-великанъ,
Она кричитъ, оружьемъ потрясая:
«Что взяли вы, мечтатели всѣхъ странъ,
«Вы, предвозвѣстники земнаго рая?
«Вы, свѣтлыхъ грёзъ безумные творцы!
«Откинувшіе бранныя одежды,
«Любви и братства жалкіе пѣвцы.
«Что взяли вы? гдѣ ваши всѣ надежды?
«Я поднялась—и вотъ опять кругомъ
«Угрозы, брань и клики раздаются;
«Мгновеніе—и грянетъ битвы громъ,
«И рѣки крови по землѣ прольются.

Она идетъ—и смерть за ней во слѣдъ,
Безглазая и жадная несется,
Приплясываетъ съ радости, смѣется
И хищниковъ сзываетъ на обѣдъ.
И стаями отвсюду мчатся враны,
Не внемля миру свѣтлому весны.
Въ далекій путь, на полдень, за Балканы,
На жирный пиръ и празднество войны.

МОЛЬБА.

Убійства жаждой не объятый,
Я бранныхъ пѣсенъ не пою,
И душу мирную мою
Не тѣшатъ ярыхъ битвъ раскаты.
Я нѣмъ и глухъ къ громамъ войны.
Но вопли жертвъ мой слухъ терзаютъ;
Они побѣдно заглушаютъ
Веселье, шумъ и плескъ весны!
Несутся прочь мечты, желанья,
Блѣднѣетъ образъ красоты,
И я рыдаю пѣснь страданья
Окровавленной нищеты!
Мнѣ чудятся проклятья, стоны,
Зубовный скрежетъ, смерти дрожь ..
Богачъ!—давай свои мильоны!
Бѣднякъ!—неси послѣдній грошъ!
А нѣтъ гроша?—хватай рубаху,
Одежды дѣтокъ и жены;
Все, все что есть, кидай на плаху
Всепожирающей войны!

Не содрогались передъ кровью.
Стой въ рядахъ на тѣлахъ
Бойцовъ, поверженныхъ во прахъ
И побѣжденныхъ твоей любовью.
И счастливъ будь, когда хоть разъ
Страдалецъ—жертва злобы дикой—
Тебя въ груди своей великой
Благословитъ въ послѣдній часъ!

ВЪ ОЖИДАНІИ.

Какимъ-то медленнымъ огнемъ
Душа усталая томима.
За часомъ часъ и день за днемъ,
Не торопясь, проходятъ мимо.
Ненастье, желтые листы,
Осенней вьюги завыванье,
Въ умѣ недвижныя мечты,
Въ груди немолчное страданье!
Примчится вѣсть издалека,
Кругомъ запахнетъ кровью братской,
И вновь безмолвіе, тоска.
Покой—ужаснѣй муки адской!
И вновь надежды и мечты,
Желанной вѣсти ожиданье,
Осенней вьюги завыванье,
И дождь, и желтые листы!..

Прочь духъ сомнѣнья ядовитый!
Пусть мракъ сдвигается кругомъ,
Пусть льется дождь на насъ сердитый,
Пусть буря стонетъ — переждемъ!

Не одолѣетъ насъ невзгода.
Стряслась бѣда — снесемъ бѣду!
Сыны великаго народа,
Мы въ нашу вѣруемъ звѣзду.
И проклятъ будь, чей духъ смутится,
Чей въ страхѣ поблѣднѣетъ ликъ,
Кто малодушно усомнится
И дрогнетъ хоть единый мигъ.

ОРЛЫ.

Ихъ горсть—и вотъ взметаетъ Сулейманъ
Свои на нихъ несмѣтныя дружины.
Призывъ къ борьбѣ подъемлетъ вражій станъ:
Аллахъ, Аллахъ!—и лѣзутъ на вершины.
Они-жъ стоятъ безтрепетнѣй скалы,
И гордо ждутъ кровавой страшной встрѣчи,
Подъ градомъ пуль, и ядеръ, и картечи.
Они стоятъ—балканскіе орлы!
Грохочутъ дни, огнемъ пылаютъ ночи,
Безъ устали борьба кипитъ кругомъ;
Но не сломить врагамъ ихъ дивной мочи,
Не овладѣть грозящимъ ихъ гнѣздомъ!
Взглядъ каждаго, какъ молніи сверканье,
Гласитъ врагамъ: идите—не страшусь!
Предъ ними смерть, и гибель, и стенанье,
Надъ ними—Богъ, а позади—вся Русь!
Вся Русь имъ шлетъ свои благословенья,
Всѣ взоры слезъ и радости полны,

Полны надеждъ, любви и удивленья,
На подвигъ ихъ святой обращены, —
И врагъ бѣжитъ, громами ихъ гонимый,
Они-жъ стоятъ средь ужаса и мглы,
Какъ выси горъ, тверды, непобѣдимы —
Безсмертные, балканскіе орлы!

РОДНАЯ.

Покинувъ родину и домъ, она пошла
Туда, куда текли всѣ русскія дружины.
Подъ ветхимъ рубищемъ въ душѣ она несла
Безцѣнный кладъ любви, участья и кручины.
Тяжелъ былъ дальній путь, и зной её палилъ,
И вѣтеръ дулъ въ лицо, и въ полѣ дождь мочилъ;
Она-жъ всё шла, да шла, съ мольбой усердной къ Богу.
И къ подвигамъ нашла желанную дорогу.
Ужъ скрылся позади рубежъ земли родной:
Чу! слышенъ битвы громъ, холмовъ дымятся склоны;
Восторгъ отчаянной и дикой обороны
Съ редутовъ Гривицы и Плевны роковой
На русскіе полки огнемъ и смертью дышетъ;
Но чуткая любовь не грохотъ въ битвѣ слышитъ,
Не ей твердыни брать, не ей смирять враговъ.
Мужичкѣ-странницѣ иные внятны звуки,
Иной съ побоищъ къ ней несется громкій зовъ—
Томящій жажды кликъ и вопли смертной муки.
И вотъ она въ огнѣ: визжитъ надъ ней картечь,

Рои летаютъ пуль, гранаты съ трескомъ рвутся,
Увѣчья, раны, смерть! Но ей-ли жизнь беречь?
Кругомъ мольбы и стонъ—и рѣки крови льются
Страдальцевъ изъ огня, изъ схватки боевой,
Она уноситъ прочь, полна чудесной силы,
И жаждущихъ поитъ студеною водой,
И роетъ мертвецамъ съ молитвою могилы.
Какъ звать её? Богъ вѣсть, да и не все-ль равно?
Лучъ славы надъ ея не блещетъ головою,
Одно ей прозвище негромкое дано:
Герои русскіе зовутъ её «родною».

---

* * *

Напрасно въ часъ грозы и бранной непогоды,
Когда весь міръ объятъ тревогой и борьбой,
Бѣгу я въ глушь, въ лѣса, подъ сосенъ черныхъ своды,
И тамъ, лицомъ къ лицу съ безстрастіемъ природы,
Пытаюсь сохранить молчанье и покой!

Напрасно надо мной деревья шепчутъ сказки,
И свищетъ иволга, и дятлы вкругъ стучатъ,
И пестрые цвѣты, какъ радостные глазки,
Полны безпечности и чистой, дѣтской ласки,
Любовно на меня, мятежнаго, глядятъ.

Напрасно въ вышинѣ, едва доступной взору,
Барашки бѣлые, какъ стаи бѣлыхъ птицъ,
Смѣясь моимъ слезамъ, людей не внемля спору,
Плывутъ по синему, безбрежному простору
Къ морямъ негаснущихъ сіяній и зарницъ.

Ни лѣса разговоръ, ни птицы вольной пѣнье,
Ни блескъ цвѣтовъ и травъ, ни дальнихъ тучь полётъ
Не могутъ измѣнить души моей смятенье,

Смирить въ ней ненависть, любовь, страстей волненье,
Не властны снять надеждъ и вспоминаній гнётъ.

Всѣ мысли, всѣ мечты, какъ дымъ передъ ненастьемъ,
Широ̀ко стелются и мчатся по землѣ,
Объемлютъ жадно міръ любовью и участьемъ,
Побѣды празднуютъ и плачутъ надъ несчастьемъ —
Чужія небесамъ, — родныя дальней мглѣ.

И если гдѣ нибудь во мглѣ той непроглядной
Блеснетъ хотя на мигъ желанной правды свѣтъ,
И если въ часъ борьбы и битвы безпощадной,
Сквозь крикъ, проклятія и стоны, вдругъ отрадно,
Нежданно прозвучитъ любви живой привѣтъ, —

О, что-же мнѣ тогда лѣса, цвѣты и тучи,
И неба дальняго безстрастная лазурь?
Въ душѣ моей просторъ, и пѣснь, и свѣтъ могучій,
Страданья мчатся прочь, какъ въ полѣ вихрь летучій;
Я счастливъ, бодръ и смѣлъ, для встрѣчи новыхъ бурь!

ПОСЛѢ ПОБѢДЫ.

Побѣда! на душѣ какъ будто легче стало.
Ужъ «завтра» не грозитъ стыдомъ, или бѣдой.
Что-жъ медлимъ сбросить мы печали покрывало,
И въ шумной радости затѣять пиръ горой?

Побѣда! Какъ давно и жадно этой вѣсти
Мы ждали! День насталъ; что-жъ сердце не кипитъ
Ни страстнымъ торжествомъ, ни жаждой дикой мести?
Какая тягота его еще томитъ?

Иль намъ не вѣрится, иль жалко намъ чего-то,
Иль душу возмутилъ борьбы кровавый слѣдъ,
Иль обуяла насъ безвременно дремота,
Иль славы ждемъ иной, иныхъ хотимъ побѣдъ?

Кто скажетъ? Кто рѣшитъ—то мудрость иль безумье?
Грядущее для насъ свѣтло, или темно?
Народа русскаго глубокое раздумье,
Какъ моря тишину, постигнуть мудрено.

* * *

Ты смотришь мнѣ въ глаза съ покорною тоскою,
Ты думаешь—любовь моя къ тебѣ остыла,
Тебя томитъ вопросъ, предъ чьею красотою
Она, презрѣвъ тебя, колѣни преклонила?
Гдѣ та соперница, что властью тайныхъ чаръ
Глаза мнѣ отвела, околдовала думы?
О комъ мечтаю я тревожный и угрюмый,
Кому несу любви и вдохновеній даръ?

Да, не ошиблась ты—негаданно, нежданно
Я понялъ, что люблю другую всей душой.
Явилась мнѣ она—и образъ твой желанный
Померкъ, какъ лучъ звѣзды предъ утренней зарей.
Явилась мнѣ она, не въ праздничномъ уборѣ,
Безъ рѣчи ласковой, безъ смѣха на лицѣ;
Съ заботой мрачною, съ печалію во взорѣ,
Въ кровавомъ рубищѣ, въ страдальческомъ вѣнцѣ.
Тяжолый вздохъ ея былъ полонъ укоризны.
Я ницъ предъ нею палъ въ смятеньи и слезахъ,
Я позабылъ тебя, внимая стонъ отчизны,
Я разлюбилъ тебя, ея лобзая прахъ!

О, какъ казались мнѣ ненужны, малы
Всѣ наши радости, желанья и мечты,
И ревность, и любовь, и счастья идеалы,
Блаженство, слитое изъ звуковъ *я*, да *ты*!
О, какъ я презиралъ, какъ ненавидѣлъ счастье,
Себя поющее, довольное собой—
Въ немъ мнѣ являлося преступное безстрастье,
Измѣна черная страдалицѣ родной.
Объятый сумракомъ ея священной муки,
Внимая съ трепетомъ ея великій гнѣвъ,
Я слышать пересталъ твоихъ привѣтовъ звуки,
И замеръ на устахъ любви моей напѣвъ...

А ты, печальная, глядишь съ недоумѣньемъ,
Твой спрашиваетъ взоръ, что сдѣлалось со мной...
О, вѣрь мнѣ милая—не мучь себя сомнѣньемъ!
Гроза умчится прочь, и съ прежнимъ упоеньемъ
Къ тебѣ вернуся я, и вновь скажу—я твой!
Но часъ не наступилъ. Сквозь тучъ лучей не видно,
Въ смятеньи родина, не смолкъ страданій стонъ;
Кто радостенъ теперь—тому да будетъ стыдно.
Кто празденъ и счастливъ—тотъ жалокъ и смѣшонъ.

[illegible]

[illegible]
[illegible] свѣтъ,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] разошлись;
[illegible] ночныхъ туманѣ
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

«Кончена битва—я всѣхъ побѣдила!
«Всѣ предо мною вы склонилися бойцы,
«Жизнь васъ поссорила—я помирила.
«Дружно вставайте на смотръ, мертвецы!
«Маршемъ торжественнымъ мимо пройдите;
«Войско свое я хочу сосчитать.
«Въ землю потомъ свои кости сложите,
«Сладко отъ жизни въ землѣ отдыхать.

«Годы незримо пройдутъ за годами
«Въ людяхъ исчезнетъ и память о васъ —
«Я не забуду, и вѣчно надъ вами
«Пиръ буду править въ полуночный часъ!

«Пляской тяжелою землю сырую,
«Я притопчу, чтобы сѣнь гробовую
«Кости покинуть во вѣкъ не могли,
«Чтобъ никогда вамъ не встать изъ земли.»

---

28 НОЯБРЯ.

И такъ исчезъ тяжелый сонъ!
Смущая духъ и сердце муча,
Четыре мѣсяца, какъ туча,
Висѣлъ надъ головою онъ.
Бывало, солнце встанетъ рано:
Проснешься, взглянешь—всё блеститъ,
А Плевна! и живая рана
Въ душѣ мгновенно заболитъ.
Бывало слышишь смѣхъ веселый
Ребенка; радостенъ тотъ смѣхъ —
А Плевна!—и свинецъ тяжелый,
Какъ непрощенный, тайный грѣхъ,
На сердце упадетъ, улыбку
Съ лица прогонитъ, какъ ошибку,
Какъ преступленье;—ночью, днемъ,
Всегда, повсюду, неотступно,
Какъ голосъ совѣсти преступной,
Какъ приговоръ, какъ Божій громъ,
Въ сознаньи явственно звучало
То имя страшное! Бывало...

Но наступилъ печали злой
Конецъ. Кто старое вспомянетъ,
Тому и глазъ вонъ. Не возстанетъ
Изъ мертвыхъ призракъ роковой.
Побѣдно Русь ликуетъ, словно
Стряхнувъ недуга долгій гнетъ;
Дунай и Шипка; Карсъ и Плевна —
Да!.. Плевна! Голосъ не дрогнетъ!
За то при вѣсти той желанной
Тамъ, за̀ моремъ, въ дали туманной,
Завистливый почуя гнѣвъ,
Дрогнетъ коварный, старый левъ:
Дрогнетъ, и можетъ быть, привстанетъ,
И лапу жадную протянетъ
Молъ, берегитесь! всё мое!
Но Русь, угрозамъ не внимая,
И крестъ побѣдный водружая,
Отвѣтитъ: Божье—не твое!

ПЛАКАЛЬЩИЦА.

Слѣды побоища поспѣшно
Снѣгами вьюга занесла.
Исчезла кровь, земля бѣла;
Но вьюга плачетъ неутѣшно
И по̀ свѣту несетъ печаль,
Какъ будто ей убитыхъ жаль.

НА РУБЕЖѢ.

Какъ съ поля воинъ утомленный
При шумѣ бурь и непогодъ,
Отходитъ прочь окровавленный
И кровью сытый старый годъ.
Прощай старикъ! тебя я встрѣтилъ
Съ неодолимою враждой,
Когда въ глазахъ твоихъ замѣтилъ
Убійства пламень роковой.
Ты шелъ лукаво, осторожно,
Въ рукѣ сжимая злобно мечъ,
Твердя предательски и ложно
О мирѣ сладостную рѣчь.
Никто—и самъ ты ей не вѣрилъ,
Но старой школы дипломатъ,
Ты съ наслажденьемъ лицемѣрилъ
И спать до устали былъ радъ.
Притворной нѣжности кручину
Твой долго ликъ изображалъ;

Но часъ настал и, снявъ личину,
Ты поднялъ ревъ и звѣремъ сталъ!
И странно—ты мнѣ полюбился
Тогда, косматый, гордый левъ!
Я предъ тобою преклонился,
Я оправдалъ твой лютый гнѣвъ.
Внимая вопль и грохотъ битвы,
Я пламенѣлъ, я замиралъ,
Шепталъ горячія молитвы
И слезы лилъ, и воскресалъ.
Все воскресало къ жизни новой,
Тревоги полной и суровой:
Любовь къ отчизнѣ, вѣра, честь,
Сознанье юности могучей,
Самозабвенье страсти жгучей,
Презрѣнье, гордость, злоба, месть,
Все то, что жизнію зовется,
Чѣмъ жизнь волшебна и красна,
Очнулось, ожило... Война
Надъ Русью, какъ гроза несется,
Гремитъ, сверкаетъ и реветъ,
Объятая огнемъ и тьмою.
Но вотъ, усталый подъ грозою,
Къ концу клонится старый годъ,
Подъ бременемъ побѣдъ и славы
Согбенный — мраченъ и суровъ —
Уходитъ онъ, и слѣдъ кровавый
За нимъ влачится вдоль вѣковъ.

Прощай—и будь, старикъ, спокоенъ:
Безсмертенъ блескъ твоихъ побѣдъ.
Смотри: могучій, юный воинъ
Уже идетъ тебѣ во слѣдъ.
Идетъ онъ откровенно, смѣло
Вооруженъ съ главы до пятъ,
Онъ кончитъ начатое дѣло,
Онъ не попятится назадъ.

ПАНИХИДА.

Случайно я забрелъ намедни
Въ какой-то старый, мрачный храмъ.
Ужъ расходился отъ обѣдни
Народъ; старухи по угламъ
Вдоль стѣнъ кой-гдѣ еще стояли,
Печально свѣчи догорали
Предъ образами; дряхлый попъ,
Въ коротенькой, надѣтой криво,
Потертой ризѣ пѣлъ гнусливо.
Дьячекъ, наморща потный лобъ,
Захлёбываясь, дулъ въ кадило,
И ладона пахучій дымъ
Глаза слѣпилъ ему. За нимъ,
Какъ черный камень надъ могилой,
Лежала женщина; порой
Глухое слышалось рыданье.
Кадила мѣрное бряцанье
И «со святыми упокой»
Съ рыданьемъ тѣмъ въ тиши сливались,
Кажденья облака сгущались,

А лики строгіе иконъ
Безстрастно слушали и пѣнье,
И возгласы попа, и чтенье,
И шепотъ, и мольбы, и стонъ.
Старухи по угламъ шептали:
«Убили мужа... Молода
«Еще вдова-то! Охъ, бѣда!»
И чье-то имя называли.
Изъ церкви вышелъ я, взглянулъ—
Кареты, сани мимо мчались,
На крышахъ флаги развѣвались;
Разнощикъ юркій подвернулъ
Мнѣ телеграмму;—я вздохнулъ,
И вѣсть побѣдную читая,
Побрёлъ домой. Но грусть нѣмая
Томила цѣлый день меня;
Все панихиду слышалъ я,
Молитвъ печальныхъ бормотанье,
Старухъ слезливое шептанье...
И образъ плачущей вдовы
Не выходилъ изъ головы.
Я думалъ: въ этомъ самомъ храмѣ,
Быть можетъ, годъ тому назадъ
Съ улыбкой свѣтлой подъ вѣнцами
Они стояли оба въ рядъ.
Быть можетъ грёзы рисовали
Имъ годы счастья... Вечеркомъ,
Оставшись въ первый разъ вдвоемъ,

Они другъ другу повторяли
Обѣты вѣрности, любви!
Но, полно вамъ, мечты мои
Болтать ненужное, пустое.
Разбито счастье молодое—
Ну что-жъ? Не даромъ говорятъ:
Лѣсъ рубятъ—щепки вкругъ летятъ!

КЛАДЪ.

Намъ турокъ-измѣнникъ, осклабясь, шепталъ:
«Хватайтесь скорѣй за лопаты!
«Я знаю, гдѣ пушки Османъ закопалъ.
«Вотъ мѣсто—не холмъ, не редутъ и не валъ—
«Здѣсь кладъ вы найдете богатый».

И точно: при свѣтѣ холодной луны
Вблизи, на подобье кургана,
Недавняя насыпь среди бѣлизны,
Лежащей кругомъ снѣговой пелены,
Темнѣетъ, какъ черная рана.

И песъ одичалый по насыпи той
Въ полуночи бродитъ уныло...
— Эй, турокъ! Ты лжешь—не чугунъ боевой,
Не пушки тяжелыя—кладъ здѣсь иной
Закопанъ подъ свѣжей могилой!

Лопаты о мерзлую землю стучатъ,
Спорится ночная работа.
Вдругъ, «стой!».. И попятился старый солдатъ,
И въ страхѣ блѣднѣетъ, находкѣ не радъ—
Отрылъ онъ ужасное что-то!

«Смотри-ка, ребята—смотри, да дивись!»
Глядять—голова человѣчья
Торчить изъ земли... Вновь копать принялись,
Толпою вокругъ мертвеца собрались;
На тѣлѣ ни ранъ, ни увѣчья!

Стоить русскій воинъ безмолвенъ и прямъ,
Глубокой дремою объятый,
И ранецъ примерзъ къ молодецкимъ плечамъ,
И сдвинуты ноги, и руки по швамъ;
Лишь пальцы страдальчески сжаты.

Намъ жутко всѣмъ стало... Невольный испугъ
Сжалъ сердце. Крестились солдаты,
Въ суровомъ уныньи поникли вокругъ.
Промчалось мгновенье... очнулись—и, вдругъ,
Схватилися вновь за лопаты.

Лопаты о мерзлую землю стучать;
Кипитъ и спорится работа.
Изъ глуби кургана встаетъ страшный кладъ!
Встаетъ при лунѣ мертвецовъ длинный рядъ—
Ихъ строится цѣлая рота.

И каждому свѣтитъ въ лицо мертвецу
Луна сквозь ночнаго тумана.
Какъ въ часъ торжества на парадномъ плацу,
Во фронтѣ стоятъ,—молодецъ къ молодцу—
Отборныя жертвы Османа!

Стоятъ неподвижно дружиной нѣмой;
Пріявшіе смерть безъ боязни,
Живыми зарытые, мести людской,
Не просятъ они. Судія не земной
Да будетъ отмститель ихъ казни!..

И въ горѣ, и въ страхѣ, съ молитвой опять,
Не трогая, ихъ мы зарыли.
И, псамъ на съѣденье чтобъ трупы не дать,
Курганъ стала вьюга въ ночи заметать,
И бури надъ ними завыли.

Намъ плакать по мертвымъ не время... Съ утра
Срядились въ походъ. Намъ бураны,
Мятели и бури не страшны. Пора
Съ врагами кончать... Надоѣла игра!
Миръ павшимъ!—а мы—за Балканы!

СТАРИКИ.

(Посвящается И. Н. Кашкареву)

I.

Былъ долгій миръ! намъ было скучно;
Дремали мы въ тоскѣ нѣмой,
Сквозь сонъ внимая равнодушно
Европы шумъ, для насъ чужой.
Намъ опротивѣли не въ мѣру
И рѣчь и думы о себѣ;
Мы потеряли бодрость, вѣру;
Мы, молча, предались судьбѣ.
Безъ грёзъ, безъ смѣха, безъ печали,
Поникнувъ праздно головой,
Впередъ глядѣть мы перестали,
Махнувъ на прошлое рукой!
И вдругъ! средь мертваго молчанья
Вдали раздался внятный стонъ,
Призывъ на помощь, вопль страданья, —
Предсмертный вопль!..
Что значитъ онъ?

Чьи это кровь, тѣла, могилы?..
Очнулись мы! Дремавшей силы
Нежданно поднялась волна.
Какъ возмущенная стихія,
Забушевала вся Россія,
Негодованія полна,
И грянулъ кличъ: война, война!

Война! Широко прокатился
Надъ Русью громовой раскатъ.
Столичный людъ засуетился,
Въ избѣ мужикъ перекрестился;
Богачъ и нищій, старъ и младъ,
Стряхнули разомъ всѣ дремоту,
Войны великую заботу,
Почуя на душѣ. Москва —
Россіи сердце въ страсти шумной,
И Петербургъ благоразумный —
Россіи гордая глава,
Уѣзды, дальнія селенья, —
Пріюты сна и запустѣнья —
Все пробудилося, какъ въ старь.
Въ борьбы тяжелыя годины,
И самъ въ средѣ своей дружины
Походъ свершаетъ Русскій Царь.

И бранный призракъ дикъ и страшенъ!
Вокругъ него проклятья, стонъ.
Какъ хищникъ, кровью мерзкихъ брашенъ
Упитанъ и обрызганъ онъ.

Пусть ореолъ безсмертной славы
Лучемъ сіянья своего
Вѣнчаетъ призракъ тотъ кровавый,
Я отвернуся отъ него.
Быть можетъ, полный вдохновенья
Иной грядущихъ дней поэтъ
Прославитъ подвиги, сраженья
И громъ эпическихъ побѣдъ.
Пусть такъ. Ему и книги въ руки.
Полетъ мой ниже и скромнѣй:
Иныя радости и муки
Найдутъ отвѣтъ въ груди моей.
Не берегъ синяго Дуная,
Не кручи темныя Балканъ,
Не войскъ шумящихъ пестрый станъ,
Не жизнь героевъ боевая;
Нѣтъ, признаюсь, манитъ мой взоръ
Иная тусклая картина:
Родной мнѣ чудится просторъ,
Однообразная равнина;
Надъ мутной рѣчкой барскій домъ,
Пять старыхъ липъ—остатокъ сада,
Дорожка, сгнившая ограда,
Строенья ветхія кругомъ —
Конюшня, скотный дворъ, людская;
А дальше... дальше глушь родная —
Поля, болота, пустыри,
И въ вышинѣ, въ лазури ясной,
Невозмутимый и безстрастный
Свѣтъ угасающей зари.

II.

Весенній вечеръ меркнетъ тихо.
Помѣщикъ бодро на крыльцо
Выходитъ. Смуглое лицо
Его воинственно и лихо!
Онъ старъ, зарей освѣщены
На головѣ его сѣдины,
На лбу и на щекахъ морщины;
Но всѣ движенія полны
Какой-то силы необычной.
Въ глазахъ зловѣщій огонёкъ,
Въ петлицѣ бѣлый орденокъ...
«Эй ты, Василій!» Голосъ зычный
И грубый, какъ команды крикъ,
Звучитъ сквозь тишь вечерней тѣни
И палкой о крыльцо ступени
Нетерпѣливо бьетъ старикъ.
За нимъ, наморща носъ плаксиво,
Глотая слёзы торопливо
И спотыкаясь о порогъ,
Бѣжитъ старуха... «Ахъ, мой Богъ!
«Съ ума ты спятилъ, въ самомъ дѣлѣ?
«Куда тебѣ?»—и въ попыхахъ
Толкаетъ мужа. Горе, страхъ
Въ ея лицѣ; на тощемъ тѣлѣ
Одежда немощно дрожитъ...
«Послушай, иль тебѣ не жалко

«Меня?» А онъ упрямо палкой,
Не слушая, въ крыльцо стучитъ.
Въ конюшнѣ шевельнулось что-то;
Конь фыркнулъ, скрыпнули ворота,
Шаги послышались—и вотъ,
Свой, на ходу, тулупъ дырявый
Рукой запахивая правой,
А лѣвой, прикрывая ротъ,
Василій заспанный идетъ.
«Чего вамъ?»—и старуха сзади
Рукою машетъ—молъ, уйди!
И къ мужу: «Полно, Бога ради!
Оставь». А старецъ впереди
Стоитъ съ усмѣшкою спокойной.
Онъ гордъ, онъ думаетъ о томъ,
Какъ въ дни былые подъ огнёмъ,
Средь мертвыхъ тѣлъ, въ толпѣ нестройной,
Онъ съ бастіона отбивалъ
Колоннъ французскихъ приступъ ярый!
Въ немъ вновь воскресъ воитель старый.
И страстный помыселъ шепталъ
Ему: «Спѣши, пока есть сила!
«И тутъ, и тамъ близка могила,
«Къ чему дни ветхіе беречь?»
Внимая шепотъ тотъ лукавый,
Старикъ прельстился бранной славой,
Какъ юноша! Свой ржавый мечъ
Поднять онъ снова замышляетъ,
Старуху Богу поручаетъ,

А самъ спѣшитъ проситься въ строй,
Въ свой старый полкъ, въ привычный бой.

Съ просонья ежась и зѣвая,
Косясь въ полглаза на востокъ,
Откуда поздній вѣтерокъ,
Струею свѣжей набѣгая,
Ему студилъ лицо и грудь,
Василій ждалъ... «Знать, завтра въ путь» —
Гадалъ онъ... — Баринъ встрепенулся;
Отъ думъ очнувшись, какъ отъ сна,
Взглянулъ: — на лѣстницѣ жена
Въ ногахъ лежитъ... Онъ отвернулся
И отошелъ. Такъ на поляхъ,
Когда предъ нимъ солдатъ убитый
Свернувшись падалъ, или прахъ
Рылъ въ лютой мукѣ,—взоръ сердитый
Онъ опустивъ, впередъ бѣжалъ
Туда, гдѣ больше было шума,
Гдѣ умолкала злая дума
И призракъ страшный исчезалъ.

И нынѣ, отойдя отъ двери
Кричалъ онъ громче свой приказъ:
«Конямъ овса по полумѣрѣ
«Отсыпать... смазать тарантасъ;
«Да чуръ...» И взглядъ сверкнулъ сурово —
«Чтобъ завтра, въ полдень все готово
«Къ отъѣзду было»! Вопль глухой

Съ крыльца раздался. — За рѣкой,
Въ дали невѣдомой, туманной
Какой-то звукъ пронесся странный,
Печальный вздохъ полей и нивъ,
Не то—отвѣтъ, не то—призывъ!
На небѣ звѣздъ зажглися очи,
Дохнуло холодомъ съ рѣки;
Но долго, долго старики
Потомъ сидѣли въ мракѣ ночи,
Обнявшись на крыльцѣ вдвоемъ
Въ раздумьи нѣжномъ и нѣмомъ.
Она тихонько горевала,
Онъ вспоминалъ о дняхъ былыхъ,
А ночь ихъ тѣнью обнимала,
Какъ двухъ счастливцевъ молодыхъ.

III.

Заутро старики разстались.
Осталась барыня одна
Въ печальномъ домѣ. Дни помчались —
Дни страха и надеждъ! Весна
Отбушевала, отшумѣла,
Свои всѣ пѣсни перепѣла.
И унеслась къ другимъ краямъ,
Безпечнѣй перелетной птицы.
Настало лѣто! Ужъ зарницы
Надъ нивами по вечерамъ
Въ тиши таинственной мерцали,

Коростели во ржи кричали;
Домой крестьянинъ воротясь
Съ косьбы тяжелой, въ позднiй часъ
На камень предъ избой садился
И правилъ косу; ровный стукъ
Въ поляхъ далеко разносился;
Потомъ стихало все вокругъ,
Объято краткою дремою;
Потомъ опять являлся день.
И такъ средь мирныхъ деревень
Все шло обычной чередою,
Межъ тѣмъ какъ тамъ, въ дали война,
Убiйствъ и гибели полна,
Неудержимо разгоралась.
Грознѣй и шире каждый часъ!
Вотъ имя Плевны въ первый разъ
Въ устахъ зловѣщее промчалось,
И горе черное, какъ дымъ,
На Русь спустилось вслѣдъ за нимъ.

Внимая слухъ о каждой битвѣ,
Дрожитъ старуха; на молитвѣ
Стоитъ и плачетъ во всю ночь;
Прочтетъ акафистъ, повздыхаетъ,
Вздремнетъ, очнется, вновь читаетъ,
И стало дома ей не въ мочь
Вѣстей желанныхъ дожидаться.
Она рѣшилась перебраться

Въ уѣздный городъ; наняла
Квартиру тамъ не дорогую,
Анисью—ключницу сѣдую
Съ собою для услугъ взяла.
И вотъ усадьба опустѣла,
Безлюденъ сталъ пріютный домъ,
Гдѣ баринъ съ барыней вдвоемъ
Въ заботахъ будничнаго дѣла
Старѣли мирно. Кто-бъ сказалъ,
Что бурной жизни треволненья
Достигнутъ до того селенья!
Что налетитъ нежданный шквалъ,
Нарушитъ миръ, стихійной силой
Разлучитъ—гнѣвенъ и суровъ—
Уже склоненныхъ надъ могилой
Сѣдыхъ, усталыхъ стариковъ;
Подъ кровъ ихъ ветхаго жилища
Тревогу юности вдохнетъ
И отъ сосѣдняго кладбища
На смерть въ чужбину унесетъ.

Уже конецъ приходитъ лѣту.
Ненастной, сѣрой пеленой
Сентябрь повисъ надъ головой.
Вотъ вечеръ настаетъ. Газету,
Насупясь, щурясь сквозь очки,
Не пропуская ни строки,
Старуха при огнѣ читаетъ;
Анисья, молча, ей внимаетъ.

Увы! работа не легка!
Дрожитъ огонь, дрожитъ рука,
рожитъ и гнется листъ широкій,
трѣя, путаются строки;
лазахъ туманъ; слеза порой
тъ, повиснувъ на рѣсницѣ.
етъ старуха, и къ страницѣ
Иетъ ближе головой
Веяетъ... Плевна, Плевна —
Глазніе одно
Живорѣчаютъ, словно
По всеѣ оно
Сказать словно что-то
«Еще о Ія... «Вотъ, вотъ,
«Тогда подѣчь! «Съ высотъ
«Нѣтъ, всё рота...»
«Анисья, Подостой, постой!
«Мнѣ свѣчку—ближе
«Вотъ здѣсь—уо ниже...
«Не разгляжу!.. о такой?
«Убиты...» чевной въ дѣлѣ
И померк.
Анисья съ свѣчкою връ.
Глядитъ; котёнокъ на
Мурлычитъ громко; подъ
Во тьмѣ холодной и нена
Шумитъ погода, вихрь съ
Стучатъ назойливо и страст.

Старуха вздрогнула, глядитъ,
Какъ будто что припоминаетъ.
Шурша, газета выпадаетъ
Изъ рукъ ея... «Убитъ, убитъ!»

IV.

Прошло три мѣсяца безъ мала.
Не воротилася домой
Вдовица горькая. Сначала
Врасплохъ застигнута бѣдой,
Она безъ слёзъ съ утра день цѣлый
Сидѣла праздно подъ окномъ
Въ оцѣпененіи нѣмомъ.
Съ волосъ чепецъ сбивался бѣлый,
Сѣдины падали на лобъ,
И кацавейка съ плечъ спадала —
Она того не примѣчала!
Въ постелю вечеромъ, какъ въ гробъ,
Не раздѣваяся, ложилась;
Потомъ совсѣмъ занемогла,
Безъ пищи въ забытьи дремала,
Въ бреду всё мужа поминала,
И мертваго домой звала.
Тогда-то съ дальняго Дуная,
Какъ лучъ сквозь сумракъ и туманъ,
Сверкнула вѣсть: сдался Османъ!
И пала Плевна роковая!
Народной радости потокъ

Широко, шумно разливался.
Въ глуши убогій городокъ
Повеселѣлъ, заволновался;
Другъ другу каждый несъ привѣтъ.
Былъ вечеръ. Плошекъ красный свѣтъ
Сквозь дымъ пылалъ передъ домами;
Народъ по улицамъ толпами
Бродилъ всю ночь, и до утра
Гремѣли пѣсни и «ура!»

Ура, ура!—и вдругъ въ полночи
Старуху пробудилъ тотъ крикъ;
Прислушалась, открыла очи...
«Анисья», прошепталъ языкъ,
«Что тамъ такое?»—«Плевну взяли»,
Анисья сонная въ отвѣтъ
Пробормотала. Страшный свѣтъ
Мерцалъ предъ окнами; звучали
Лихія пѣсни, смѣхъ—и вотъ
Воскресло въ головѣ сознанье...
Убитъ! раздалося стенанье,
Ура! въ отвѣтъ кричалъ народъ!
То было-ль бредъ, иль сновидѣнье —
Богъ вѣсть! страдалицѣ больной
Всей Руси внятно стало пѣнье,
Гигантскій смѣхъ и пиръ горой!
Деревни, города, столицы,
Толпы несмѣтныя людей,
Процессій шумныхъ вереницы,

Мильоны плошекъ и огней —
Всё разомъ предъ глазами встало!
Всё ликовало, всё кричало,
Вблизи, вдали, со всѣхъ сторонъ,
Облито счастья яркимъ свѣтомъ —
И въ необъятномъ счастьи этомъ
Безслѣдно замеръ смерти стонъ.

---

* * *

Средь камней и крестовъ безвременныхъ могилъ,
Средь бранныхъ кликовъ и стенанья,
Сомкни уста, поэтъ—твой часъ не наступилъ,
Смири порывъ негодованья.
Еще полны враждой и мщеніемъ сердца,
Еще глаза убійству рады,
Еще къ стяжанію побѣднаго вѣнца
Обращены умы и взгляды.
Безплодно прозвучатъ твой плачъ и твой укоръ,
И надъ землей, отъ крови пьяной,
Побѣдно заглушатъ твой правый приговоръ,
Проклятья ненависти рьяной.
Такъ пусть-же смерть царитъ и громы вкругъ гремятъ,
Дерутся люди межъ собою...
«Прости имъ, Господи! не вѣдятъ, что творятъ»,
Тверди съ поникшей головою.
Настанетъ день иной—свершится Божій судъ,
И сонмы жертвъ въ терзаньяхъ муки
Предстанутъ вдругъ очамъ, и, дрогнувъ, упадутъ
Къ убійству поднятыя руки.

Усталый стихнетъ бой среди внезапной тьмы
Сомнѣнья послѣ злаго дѣла,
И люди вопросятъ: что сотворили мы?
Тогда, поэтъ, отвѣть имъ смѣло:
Лучемъ сознанія, неумолимъ какъ рокъ,
Ты озари ихъ подвигъ бранный,
Пусть будетъ твой напѣвъ, какъ совѣсти упрекъ,
Звучать, немолчный, неустанный;
Ихъ повлеки назадъ къ предѣламъ той земли,
Гдѣ битвы жаркія пылали,
Къ мѣстамъ побоища, въ домà, въ госпитали,
Гдѣ люди въ мукахъ издыхали.
На груды мертвыхъ тѣлъ, останковъ боевыхъ,
На пепелъ сёлъ толкай ихъ грубо—
«Любуйтесь», восклицай, дѣяньемъ рукъ своихъ,
«Вы, воевать кому такъ любо!
«Цвѣтущіе края, вашъ искупая грѣхъ,
«Въ долины смерти обратились;
«Кто гдѣ похороненъ—ищите! Кости всѣхъ
«Въ единый прахъ преобразились!
«Не все-ли вамъ равно, гніетъ въ немъ другъ иль врагъ?
«Никто на зовъ вамъ не отвѣтить;
«Но въ прахѣ томъ шаги сочтите—каждый шагъ
«Могилу свѣжую отмѣтитъ».
Тогда начнется счетъ—и каждое число,
Какъ молотъ, въ совѣсть падать станетъ,
И пòтомъ ледянымъ покроется чело,
Когда считать языкъ устанетъ.
Но ты, поэтъ-судья, на мигъ не умолкай!

Священной лестью пламенѣя,
Безъ сна и устали до ужаса считай,
Считай все громче, все грознѣй...
    И вѣрь, что часъ придетъ, и рушится обманъ,
    Прозрятъ людей слѣпыя очи,
    Глубокій, вѣковой разсѣется туманъ—
    И послѣ долгой, бурной ночи
    Земныя племена, всѣ въ рубищахъ войны,
    Людской обрызганныя кровью,
    Падутъ раскаянья и радости полны
    Предъ всепрощающей любовью!

РАЗСВѢТЪ.

Конецъ войнѣ!—чему-жъ начало?
Что дастъ намъ миръ?—Отъ дѣлъ почивъ,
Опять уснемъ-ли, какъ бывало,
Иль пробужденныхъ силъ порывъ
Насъ вдаль умчитъ?.. Вдали широкой—
Взгляните—яркій свѣтъ востока
Встаетъ, объемля небосклонъ.
Сокройся мракъ! исчезни сонъ!
На лаврахъ почивать не время.
Я вѣрю: властенъ и могучъ,
Заблещетъ скоро солнца лучъ.
Побѣды насъ не сломитъ бремя—
На плечи взвалимъ славы гнетъ
И, помолясь усерднѣй Богу,
Опять за дѣло, въ путь-дорогу,
Къ великой цѣли—все впередъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

